

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. П.Ф. Николаевский

Жизнь патриарха Никона в ссылке и
заключении после осуждения его на
Московском соборе 1666 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1886. № 1-2. С. 45-110.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Жизнь патриарха Никона въ ссылкѣ и заключеніи послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 г.

По приговору московскаго собора 1666 года всероссійскій патриархъ Никонъ за разныя вины присужденъ былъ къ низверженію изъ патриаршаго сана и къ ссылкѣ въ заточеніе въ одинъ изъ дальнихъ монастырей Россіи, чтобы здѣсь до самой своей кончины онъ безпрепятственно и безмолвно оплакивалъ свои грѣхи ¹⁾. Но еще при самомъ объявленіи этого приговора встрѣтились большія затрудненія къ точному его выполненію. Патриархъ Никонъ продолжалъ пользоваться любовью народа, не смотря на осмыслѣнное удаленіе отъ дѣлъ церковнаго управленія. Величіе его имени поддерживалось не только величіемъ его сана, но и величіемъ дѣлъ, совершенныхъ имъ въ цѣркви и государствѣ, памятью о прежней близости его къ государю, особенно же благодарною памятью объ обширной благотворительности его бѣднымъ людямъ. Потому 12 декабря, когда Никонъ вызывался выслушать соборный приго-

¹⁾ Главными источниками для настоящей статьи служатъ неизданныя бумага изъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла п. Никона. Часть этихъ бумагъ, относящихся ко времени его заключенія, находится въ XII свѣткѣ изъ этого дѣла въ московской синодальной библіотекѣ; большая же часть ихъ находится въ государственномъ архивѣ. Нѣсколько документовъ хранилось въ библіотекѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря; при переносѣ этой библіотеки въ 1859 году въ с.-петербургскую духовную академію документы по дѣлу п. Никона оставлены были въ Кирилловскомъ монастырѣ, но послѣ были отсюда похищены; содержаніе ихъ извѣстно только по описанію ихъ въ статьѣ архимандрита Варлаама, помѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1858 г., кн. 3 подъ заглавіемъ: «О пребываніи патриарха Никона въ заточеніи въ Ферапонтовъ и Кирилловъ-бѣлозерскихъ монастыряхъ».

воръ, толпы народа еще съ утра наполняли кремлевскую площадь, желая можетъ быть въ послѣдній разъ видѣть своего великаго патріарха. Власти опасались при этомъ какой-либо демонстраціи со стороны народа и противъ нея приняли строгія мѣры. Патріархъ Никонъ ѣхалъ съ архангельскаго подворья, гдѣ онъ жилъ во все время суда надъ нимъ, на саняхъ подъ прикрытіемъ усиленной стражи стрѣльцовъ; передъ нимъ шли мстиславскій епископъ Мееодій и архимандритъ печерскаго нижегородскаго монастыря Іосифъ, посланные звать его на соборъ для выслушанія приговора; сзади его шли приближенные къ нему келейные его иноки Феодосій и Маркъ. Соборное засѣданіе открыто не въ столовой государевой палатѣ, гдѣ прежде происходилъ судъ надъ Никономъ, но въ маденькой Благовѣщенской церкви на заднихъ воротахъ Чудова монастыря, гдѣ временно проживали восточные патріархи. Впечатлительный государь не могъ присутствовать при изложеніи патріаршаго дѣянія съ бывшаго своего „собиннаго друга“ и вѣсто себя назначилъ быть при этомъ своимъ боярамъ; во главѣ ихъ стоялъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, давній врагъ патріарха Никона. Духовные члены собора присутствовали въ полномъ составѣ, имѣя во главѣ двухъ восточныхъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго; но изъ архіереевъ не всѣ охотно присутствовали на соборѣ: по словамъ Шушерина, вологодскій архіепископъ Симонъ, сочувствовавшій Никону, казался больнымъ, но былъ приведенъ на соборъ насильно, и во все время чтенія приговора плакалъ объ участи любимаго имъ патріарха; другой епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, бывший свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища, послѣ отозвался о немъ и о своемъ душевномъ состояніи такимъ образомъ: „зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха; я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило“¹⁾). Когда доло-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича. Черниговъ 1865 стр. 46.

жено было о прибытіи Никона, члены собора вошли въ церковь, патріархи и всѣ архіереи, бромѣ Аванасія иконійскаго, бывшаго тогда подъ запрещеніемъ, облачились въ мантии, возложили на себя омофоры и митры, а остальные духовныя лица одѣли ризы; Никонъ совершилъ обычное поклоненіе иконамъ и членамъ собора и сталъ посреди церкви. Послѣ краткаго молитвословія патріархи велѣли читать соборное опредѣленіе по дѣлу Никона; приговоръ читался сначала погречески экономомъ антиохійской церкви, пресвитеромъ Іоанномъ, потомъ громогласно порусски личнымъ недоброжелателемъ Никона, рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ. Слушая приговоръ, видоизмѣненный противъ объявленнаго ему прежде словесно на судѣ, Никонъ возражалъ противъ обвиненій и дѣлалъ личныя обращенія къ Иларіону. Восточные патріархи сгѣшили прекратить эти замѣчанія и укоры Никона и приступили къ обряду низверженія его изъ патріаршаго сана. Сначала они приказали Никону снять съ себя патріаршій клобукъ; но Никонъ отказался самъ это сдѣлать, указывая на то, что онъ принялъ патріаршій санъ не добровольно, но по просьбѣ государя, принявъ его открыто въ соборной церкви при множествѣ бояръ и народа, и теперь протестуетъ противъ такого низложенія его въ отсутствіе государя, не при народѣ и въ такой маленькой церкви, которую онъ же устроилъ: „Если бы я въ чемъ былъ повиненъ и осужденія достоинъ, то отъ чего вы это тайно творите, какъ татіе? Пойдемъ лучше въ соборную церковь, и тамъ дѣлайте со мною, что хотите“. „Тамъ или здѣсь, все едино“, отвѣчали ему патріархи, „мы исполняемъ только волю собора и государя; а что вѣтъ здѣсь царскаго величества, въ этомъ его вина“. Затѣмъ александрійскій патріархъ Паисій, какъ вселенскій судія, подошелъ ближе къ Никону, самъ сбросилъ съ него клобукъ, украшенный серафимомъ, надѣлъ на него простой клобукъ, снявъ его съ находившагося тутъ греческаго монаха; торопливо сняли съ Никона и верхнюю богато украшенную патріаршую паннагію, а другую паннагію на немъ не замѣтили и снять позабыли. Никонъ при этомъ

не прелинулъ поспѣяться надъ восточными патріархами: „Вѣднне, подневольные вы странники, пришли сюда изъ далека не на доброе дѣло, не миръ устроить, но чтобы найти собѣ денежную милостыню и ею потомъ заклатить даль своимъ порабителѣмъ; раздѣлите этотъ клубукъ и папагію между собою, вамъ достанется много жемчугу и золота на свои нужды и утѣшеніе; возьмите и мантию мою, если желаете“. Услышавъ это, патріархи отдали снятые клубукъ и папагію стоявшему возлѣ Никона монаху его Марку, а о мантии сказали: „Слѣдовало бы святъ теперь съ тебя и мантию, но по просьбѣ государя дозволяемъ тебѣ носить ее на время, пока не пріѣдешь въ назначенную тебѣ обитель“. Архидерейской мантии и посоха не взяли тутъ у Никона „страха ради всенароднаго“, добавляетъ Шуперинъ. Такимъ образомъ обрядъ изложенія Никона оставался далеко не выполненнымъ; даже объявленный теперь соборный приговоръ долго послѣ того не былъ окончательно оформленъ и подписанъ ¹⁾.

¹⁾ Къ подписи соборнаго приговора члены собора приступили 14 января 1667 года, причемъ тогда же двумя русскими епископами заявлены сильные возраженія и отказъ подписаться подъ приговоромъ соборнымъ; только къ 24 января приговоръ былъ подписанъ всеми членами собора, хотя и заднимъ числомъ отъ 12 декабря 1666 г. (обстоятельства этого дѣла изложены въ «Исторіи русской церкви» м. Макарія, т. XII, стр. 754—760). Отъ того списка этого приговора имѣютъ разныя редакціи по содержанию и по изложенію. Одинъ изъ такихъ списковъ приговора изданъ Н. А. Губенетомъ (въ «Историческомъ изслѣдованіи дѣла п. Никона»; ч. II Спб. 1884 стр. 1093—1097); это—можно думать—одинъ изъ первыхъ черновыхъ проектовъ соборнаго опредѣленія по дѣлу п. Никона, которое послѣ было исправлено и дополнено. Другой списокъ, весьма близкій къ нему по языку, но дополненный въ содержаніи, находится въ рукописномъ непереплетенномъ сборникѣ московской синодальной бібліотеки № I (въ особой тетради въ л. 9—13). Здѣсь соборный приговоръ дополненъ вставкою трехъ новыхъ обвиненій противъ п. Никона: 1) что онъ своимъ удаленіемъ съ патріаршаго престола заставилъ русскую церковь вдовствовать восемь съ половиною лѣтъ и тѣмъ содѣйствовала усиленію въ ней матажей и раскольниковъ, 2) что онъ возвелъ обвиненіе на русскаго государя, царскій свѣдѣль и духовныхъ властей въ пристрастіи къ латинству главнымъ образомъ изъ зависти къ газскому митрополиту Пасію Ливариду, 3) что онъ, живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, мучилъ здѣсь иноковъ и мірянъ разными казнями до смерти. Въ концѣ соборнаго приговора

Обратное шествіе Никона съ собора на подворье въ патриаршей мантии и съ посохомъ въ рукахъ, въ преднесеніи патриаршаго клобука и панаги, давало возможность скрывать на время отъ народной толпы сущность соборнаго опредѣленія, только что выслушаннаго Никомомъ; народъ по прежнему видѣлъ Никона въ патриаршемъ санѣ и продолжалъ считать его патриархомъ. Грубыя насмѣшки надъ Никомомъ сопровождавшаго его сласо-ярославскаго архимандрита Сергія, направленныя къ униженію его чести и достоинства, едва не вызвали открытаго волненія въ народъ; со стороны послѣдняго раздался протестъ противъ оскорбленій ональнаго патриарха; но окружавшая Никона усиленная стража поспѣшила замѣть это волненіе и протестовавшіе быстро были схвачены и выведены изъ толпы. Низложенный Никонъ видимо старался сохранить въ себѣ спокойствіе духа и, прибывъ на подворье, сѣлъ за любимое имъ чтеніе толкованій Златоуста на посланія апостола Павла въ назиданіе себѣ и своимъ приближеннымъ. Злобный архипо этому синодальному списку внесено опредѣленіе и объ избраніи новаго патриарха на мѣсто Никона. Къ этому синодальному списку по своему содержанию приближается и третій списокъ, изданный въ «собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ» (ч. IV за № 53; онъ полнѣе изданнаго Н. Глббенетомъ, но отъ синодальнаго списка отличается тѣмъ, что въ немъ выпущены первое и третье изъ указанныхъ выше обвиненій противъ Никона; въ немъ нѣтъ и опредѣленія объ избраніи новаго патриарха. Но главное отличіе этого третьяго списка отъ двухъ предыдущихъ заключается въ изложеніи языка этого списка совершенно отличенъ отъ языка тогдашнихъ русскихъ оффиціальныхъ актовъ; видно, что этотъ списокъ соборнаго опредѣленія есть особый буквальный и неудачный переводъ съ соборнаго опредѣленія о низложеніи Никона, писаннаго на греческомъ языкѣ, и что переводъ этотъ составленъ неискуснымъ переводчикомъ, плохо знавшимъ и греческій и русскій языкъ тогдашнихъ оффиціальныхъ грамотъ. Подлинный же списокъ соборнаго приговора о низложеніи Никона на греческомъ языкѣ съ собственноручными подписями двухъ восточныхъ патриарховъ и всѣхъ членовъ собора въ печати не изданъ и находится въ московской синодальной библиотекѣ въ отдѣлѣ светковъ и грамотъ за № 9. Что касается вопроса: какая редакція соборнаго приговора вошла въ употребленіе при послѣдующемъ развитіи дѣла п. Никона, то замѣтимъ кратко, что редакція приговора, изданная въ «собраніи грамотъ и договоровъ» вовсе не была въ употребленіи, а всѣ выписки изъ соборнаго приговора въ послѣдующихъ оффиціальныхъ грамотахъ приводятся по указанному выше списку синодальному.

мандрить Сергій, подосланный слѣдить за дальнѣйшимъ поведеніемъ Никона, не одинъ разъ и въ кельи пытался раздражить Никона, но не имѣлъ въ томъ успѣха. А собравшіеся около Никона келейные и монастырскіе его старцы во время вечерни на ектеніяхъ продолжали по прежнему именовать его святѣйшимъ патріархомъ, не смотря на сдѣлавшееся теперь извѣстнымъ опредѣленіе собора и язвительныя напоминанія Сергія ¹⁾.

Между тѣмъ московское правительство спѣшило отправкою Никона въ заключеніе, чтобы замедленіемъ пребыванія его въ Москвѣ не вызвать новыхъ народныхъ возмущеній. Мѣстомъ заключенія его назначался бѣднѣйшій Оерапонтовскій монастырь вблизи монастыря Кириллобѣлозерскаго. Для надзора за низложеннымъ патріархомъ назначено быть „благоискусному мужу архимандриту опасенія ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему и обиду творити, онъ же самъ (Никонъ) впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составлять. Еще же завѣщая при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ, всякаго опасства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніемъ не исходити“. 13 декабря еще передъ утрою въ кельяхъ Никона быстро чередуются разные посланцы. Первымъ прибылъ окольныйчій Иродіонъ Стрѣшневъ съ царскими ему подарками, деньгами, собольими и лисьими шубами въ дальнюю дорогу и съ просьбою дать благословеніе царю и всему его семейству; душа добраго государя, какъ видно, не оставалась спокойною по низложеніи Никона и желала облегчить положеніе прежняго друга, смягчить предстоящую съ нимъ разлуку и вызвать его на взаимное примиреніе. Но Никонъ, замѣчая непослѣдовательность въ отношеніяхъ государя къ нему, отвѣтилъ: „если бы благовѣрный царь желать отъ него благословенія, то не оказалъ бы ему такой немилости“ низверженіемъ изъ сана; присланныхъ даровъ не принялъ и благословенія государю не далъ, не смотря на усиленные

¹⁾ Извѣстіе о житіи п. Никона, составленное клирикомъ его Иваномъ Шустернымъ. Изданіе Воскресенскаго монастыря. М. 1871 стр. 70—75.

просьбы о томъ Стрѣшнева. По удаленіи послѣдняго, явились къ Никону послы уже отъ патріарховъ и собора съ повелѣніемъ возвратить патріаршій клобукъ и назагію, снятыя у него вчера на соборѣ; Никонъ тотчасъ же исполнилъ волю собора. Затѣмъ въ келью Никона явился стрѣлецкій полковникъ Аггей Шенелевъ, назначенный провожать его до мѣста заключенія, съ объявленіемъ о приготовленіи къ немедленному выѣзду изъ Москвы.

Морозное декабрьское утро покрывало еще тьмою столицу; до полного разсвѣта оставалось нѣсколько часовъ. У кельи Никона стоялъ уже наскоро приготовленный собственный его возокъ, въ которомъ онъ прибылъ изъ Воскресенскаго монастыря на судъ и теперь долженъ былъ отправиться въ дальнюю ссылку; въ возокъ запряжены были лошади изъ царской конюшни. Жители Москвы, узнавъ объ отправкѣ Никона, направились въ кремль проводить бывшего своего патріарха. Тогда приказано хитростію удалить народъ изъ стѣнъ кремлевскихъ; стрѣльцы „не яко съ яростію или отгнаніемъ, но съ тихостію“ передавали собравшемуся народу, что Никонъ пойдетъ изъ кремля чрезъ спасскія ворота по Срѣтенкѣ. Повѣривъ этимъ словамъ, народъ побѣжалъ въ Китай городъ, чтобы тамъ на просторѣ лучше увидѣть патріарха; между тѣмъ Никона наскоро посадили въ повозку и быстро повезли въ противоположную сторону на каменный мостъ въ арбатскія ворота. 200 стрѣльцовъ окружили его поѣздъ, не позволяли никому изъ постороннихъ подойти къ нему близко и въ такомъ видѣ провожали его черезъ Каменный и Земляной городъ; въ земляномъ городѣ было выстроено 1000 новыхъ стрѣльцовъ въ полномъ вооруженіи и съ горящими фитилями. За городомъ произошло трогательное прощаніе Никона съ провожавшими его старцами и нѣкоторыми собравшимися тутъ приверженцами его изъ мірянъ. Никонъ благословилъ ихъ и далъ имъ наставленіе. Колонны стрѣльцовъ возвратились назадъ, а приставъ Шенелевъ съ 50 стрѣльцами и съ новоспаскимъ архимандритомъ Іосифомъ быстро помчалъ Никона по дмитровской до-

рогѣ¹⁾). Добровольно отправились съ Никономъ раздѣлять его заключеніе два іеромонаха Воскресенскаго монастыря — Памва и Палладій, два іеродіакона — Іоасафъ и Маркеллъ, воскресенскій старецъ Флавіанъ и два бѣльца — клинскаго уѣзда воскресенскаго монастырскаго села Завидова дьячекъ Гераско Матвѣевъ и костромскаго уѣзда домового патріаршаго села Вятскаго Ипатко Михайловъ²⁾). Отѣхавъ отъ Москвы 25 верстъ, приставъ Шепелевъ приказалъ остановиться близь рѣки Клязьмы и здѣсь простояли два дня. Остановка произошла отъ того, что за быструю отправкою Никола изъ Москвы не успѣли еще составить подробныхъ инструкцій, какимъ путемъ его вестъ, какъ содержать и охранять его въ заключеніи. 13 Декабря отъ имени патріарховъ и собора издавъ былъ наказъ на имя нижегородскаго печерскаго архимандрита Іосифа „ѣхать ему съ монахомъ Никономъ, что былъ московскій патріархъ, въ Отраповтовъ монастырь и быть ему тамъ съ нимъ до указа и дорогою ему, архимандриту, беречь, чтобъ монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ, также и въ монастырѣ беречь накрѣпко, чтобъ ему, Никону, никакого оскорбленія никто не чинилъ, а пріѣхавъ въ монастырь мантию архіерейскую и посохъ взять, а буде не дастъ, и велѣтъ мантию снять и посохъ дать и прислать ихъ къ Москвѣ, и святѣйшимъ патріархамъ и собору о томъ отписать; а монастырскимъ ему, Никону, владѣтъ ничѣмъ не велѣтъ, а пищу и всякой келейный покой давать ему монаху Никону³⁾ по его потребѣ“. 14 числа состоялся особый царскій наказъ на имя того же архимандрита съ тѣмъ же предписаніемъ ѣхать ему съ Никономъ до Отраповтова —

¹⁾ Шүшер. стр. 76—78.

²⁾ Синодальный свитокъ № XII. Въ дѣлахъ государственнаго архива есть подлинная челобитная къ царю нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, отправившихся съ Никономъ въ Отраповтово.

³⁾ Въ черномомъ спискѣ этого наказа здѣсь зачеркнуты слова «съ подобающею честью»; внизу наказа приписка: «Таковъ наказъ за руками св. патріарховъ посланъ въ дорогу за архимандритомъ сего же числа въ 4 часу дня съ патріаршимъ боярскимъ Дмитріемъ Володимировымъ». (Синод. свитокъ № XII).

„по которому пути и на которые города велѣно ево вестъ по благословенію св. патріарховъ и всего собора и по подорожной на Дмитровъ и Угличъ, какова пинѣ послана къ Агѣю Шенелеву“¹⁾). По полученіи этихъ инструкцій и по сдѣлѣ новоспасскаго архимандрита нижегородскимъ, Никона повезли дальше.

Въ дорогѣ Никонъ и свита его испытывали большія затрудненія. Холодное зимнее время сильно давало имъ чувствовать недостатокъ въ теплой одеждѣ, такъ что новоспасскій архимандритъ при своей сдѣлѣ принужденъ былъ отдать Никону свою шубу и треухъ (особый родъ теплой шапки съ наушниками); приближаясь къ Угличу, Никонъ хотѣлъ было послать туда своихъ старцевъ купить себѣ и своей свитѣ теплую одежду, но приставъ Аггей Шенелевъ этого не позволялъ. Везли ихъ съ усиленною скоростію, останавливаясь только для перемены лошадей и на почлегахъ; сильныя царскія лошади по неустроеннымъ тогда проѣзжимъ дорогамъ и ухабамъ несли ихъ такъ быстро, что не одинъ разъ вываливали Никона изъ саней, и отъ ударовъ о стоявшія по дорогѣ и особенно въ лѣсахъ деревья Никонъ сильно разшибъ себѣ голову. Никона везли подѣ сильнымъ конвоемъ и желали скрыть его отъ взгляда постороннихъ людей; для этого поѣздъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ постоянно стрѣльцами, никому изъ встрѣчныхъ лицъ или при остановкѣ поѣзда не позволялось подходить къ нему близко, тѣмъ болѣе разговаривать съ ссыльными. Жители Углича, узнавъ о проѣздѣ Никона, вышли къ нему на встрѣчу и хотѣли поднести ему нужную одежду и пищу, но Шенелевъ съ побоями разогналъ всѣхъ вышедшихъ на встрѣчу и проѣхалъ городъ безъ остановки. 15 верстъ за Угличемъ стояло село, въ которомъ тогда была ярмарка; Шенелевъ впередъ послалъ разогнать съ улицы всѣхъ торговцевъ; такъ онъ дѣлалъ во всѣхъ деревняхъ и селахъ. Даже тѣ дворы, въ которыхъ приходилось останавливаться, всегда напередъ очи-

¹⁾ Визу царскаго наказа приписка: „Такова великаго государя грамота отъ Цюдова монастыря архимандриту Іоакиму. (Синод. Свитокъ); тутъ же росписка архимандрита Іосефа въ полученіи этого указа 15 декабря.

щались и всѣхъ людей жившихъ въ этихъ дворахъ удаляли изъ дома. Но не смотря на всѣ предосторожности пристава, окрестные жители разными путями успѣвали узнавать провозимаго мимо нихъ опальнаго патриарха и при случаѣ смѣшили оказать ему знаки своего вниманія и сочувствія. Разъ въ одной деревнѣ передъ Мологою изъ подполья дома, гдѣ остановился Никонъ и откуда напередъ выгнаны были его обитатели, вылѣзла спрятавшаяся здѣсь старуха и вручила ему 20 рублей деньгами и теплую одежду; близъ Мологи изъ приписнаго къ патриаршему дому Афанасьевского монастыря вышелъ привѣтствовать Никона строитель со всею братією, хотя и прогнанъ былъ за то Шепелевымъ ¹⁾. Въ 30 верстахъ за Мологою въ деревнѣ Березовѣ ночью подъ окномъ одного крестьянскаго дома постучались лица близкія къ Никону, бывшій его подъяконъ Иванъ Васильевъ и Николай Ольшевскій; они возвращались съ Крестнаго монастыря, куда были посланы Никономъ еще изъ Воскресенскаго монастыря для заготовки красной рыбы; попросивъ у крестьянина испить квасу, они отъ него узнали, что въ эту ночь въ этой деревнѣ стоитъ патриархъ Никонъ; и не смотря на то, что они не укрылись отъ вниманія Шепелева, были имъ схвачены, допрошены и потомъ выпровождены за деревню въ поле, они имѣли возможность сообщить о своемъ проѣздѣ Никону и вскорѣ получить отъ него вѣсть: на одной изъ слѣдующихъ деревень по дорогѣ къ Москвѣ ихъ догналъ неизвѣстный челоуѣкъ, назвавшійся извощикомъ, спросилъ Николая Ольшевскаго, передалъ ему письмо и сказалъ: „подалъ де ему то письмо изъ окошка невѣдомо кто и велѣлъ отдать ему, Николаю“, а въ томъ письмѣ были роспись и наказъ Никона, чтобы прислать ему въ Отрапнотовъ монастырь 10 бочекъ семги и сига, остальную рыбу продать въ Ярославль, а вырученныя за нее деньги прислать ему въ заключеніе ²⁾. Всѣ эти факты показываютъ, что у патриарха Ни-

---

¹⁾ Шухер. 78—80.

²⁾ Синод. свитокъ № XII; здѣсь изложена допросъ Ивана Васильева по этому дѣлу въ Москвѣ 28 декабря 1666 года.

кона повсюду были сторонники, ему сочувствовавшие и готовые облегчить его положеніе, не смотря на строгость отношеній къ нему правительства.

Въ восемь сутокъ по выѣздѣ изъ Москвы, или правильнѣе, за исключеніемъ двухдневной стоянки близъ Клязьмы, въ шесть сутокъ Никонъ проѣхалъ около 700 верстъ съ такою скоростію, съ какою ѣздили тогда „на спѣхъ“ всѣ царскіе гонцы изъ Москвы до Оеропонтова. Приставъ Шенелевъ напередъ послалъ въ Оеропонтовъ монастырь къ игумену Аеанасію и братіи увѣдомленіе о привозѣ къ нимъ Никона и наказъ о заготовкѣ ему помѣщенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ строго наказывалъ игумену, чтобъ кромя него никто изъ братіи не присутствовалъ при встрѣчѣ Никона. 21 числа декабря на разсвѣтѣ Никонъ былъ привезенъ въ монастырь. Тотчасъ по приѣздѣ, когда онъ не успѣлъ еще осмотрѣться и разобрать своихъ вещей, явились къ нему приставъ Шенелевъ, архимандритъ Іосифъ при депутатахъ, игуменъ монастыря Аеанасій и келарь Макаріѣ Злобинъ, для вызова его въ монастырскую церковь и выслушанія соборнаго и царскаго повелѣнія. Утомленный съ дороги и больной отъ ушибовъ, Никонъ отказался къ нимъ выйти и чрезъ своихъ старцевъ спрашивалъ ихъ о сущности этого повелѣнія. Тѣ объявили, что имъ велѣно взять оставленную у него на время архіерейскую мантию и патріаршій посохъ; Никонъ тотчасъ же отдалъ ихъ безпрекословно. Такъ совершился послѣдній актъ лишенія Никона знаковъ и отличій патріаршаго достоинства и сана.

Началась для бывшаго патріарха тяжелая, по временамъ мучительно тревожная жизнь въ ссылкѣ и заключеніи, продолжавшаяся около пятнадцати лѣтъ. Тяжести и тревоги ея происходили отъ многихъ причинъ, скрывавшихся частію въ личнои характерѣ Никона, частію внѣ его, въ окружавшей его обстановкѣ, въ представленныхъ охранять его лицахъ, въ отношеніяхъ къ нему государя и высшихъ правящихъ сферъ, наконецъ въ современномъ ему ходѣ общественной жизни всего московскаго государства. Уединенная жизнь была знакома патріарху Никону и прежде; еще нахо-

дась на высотѣ своего патріаршаго могущества, онъ любилъ по временамъ уединяться или въ свои патріаршія кельи, или въ устроенный имъ Воскресенскій скитъ. Но тогдашнее уединеніе представляло большую разницу съ нынѣшнимъ; тогда онъ уединялся добровольно для спокойной молитвы, для обсуждения задуманныхъ имъ церковныхъ реформъ, для подготовки себя къ предстоящей усиленной работѣ; теперь уединеніе его было подневольное. Душа его при воспоминаніи о тѣхъ трудахъ, которые онъ понесъ для блага церкви, оставалась неспокойною; его мучило сознаніе того, что главныя церковныя реформы его одобрены соборомъ, а мелкіе факты изъ его жизни, ошибки въ административной дѣятельности, обычныя въ то время, изъ-за личныхъ интригъ частныхъ лицъ подвергнуты сильному осужденію и послужили предлогомъ небывалому въ русской церкви наказанію—позложенію съ престола ея патріарха. Его мучила мысль, что самъ государь, прежде во всемъ ему довѣрившій и такъ его любившій, одобрявшій прежде всѣ его дѣянія и распоряженія, теперь обнаружилъ такую слабость характера, что вопреки собственному сознанію, противъ своей воли, уступилъ личнымъ интригамъ частныхъ лицъ, отдалъ его на поруганіе враговъ и унизилъ его въ глазахъ церкви и общества. Никонъ сильно чувствовалъ это свое униженіе, считалъ его несправедливымъ, сознавалъ вредныя послѣдствія его для церкви; могучая душа его, изъ дѣтства настроенная и пріученная болѣе къ практической, чѣмъ къ созерцательной дѣятельности, не могла потому примириться съ новою печальною долею, но постоянно ждала и искала выхода изъ заключенія если не къ прежней своей широкой дѣятельности, то по крайней мѣрѣ къ болѣе спокойной жизни и дѣятельности въ основанномъ, но не достроенномъ еще имъ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ онъ приготовилъ себѣ и могилу. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ постоянно поддерживалъ и подогрѣвалъ въ Никонѣ мечты о возможности перемѣны въ его положеніи; онъ часто посылалъ къ нему своихъ бояръ съ дорогими подарками, освѣдомлялся о его нуждахъ и выполнялъ разныя его

просьбы; вопреки соборному опредѣленію, называлъ его „святымъ великимъ отцемъ“, просилъ у него молитвъ и благословенія, желалъ возстановить съ нимъ полное примиреніе. Въ Москвѣ при дворѣ было нѣсколько лицъ изъ духовныхъ и бояръ, которыя также сочувствовали Никону, вели съ нимъ тайную переписку, сообщали ему о всемъ, что думаетъ о немъ государь, и съ своей стороны принимали разныя мѣры къ облегченію его участи. Наконецъ, величіе патріаршаго сана, которымъ прежде былъ облеченъ Никонъ, величіе совершенныхъ имъ дѣлъ, обаяніе имени его, не охладѣвшее въ народѣ, не смотря на усиленіе раскола, настолько привлекали общественное вниманіе къ оерапонтовскому узнику, что по временамъ онъ едва успѣвалъ принимать знаки сочувствія приходившихъ къ нему лицъ и не могъ избѣжать того несчастія въ жизни великихъ людей, когда враги общественнаго порядка смѣли воспользоваться ихъ обаяніемъ и ихъ славное имя примутивала къ своему преступному дѣлу. Не дремали въ свою очередь и враги Никона; опираясь на соборное о немъ опредѣленіе, они старались помѣщать добрымъ отношеніямъ къ нему государя, постоянно слѣдили за сношеніями и жизнью Никона въ заключеніи, старались перетолковывать дѣйствія его въ худшую сторону, составляли на него ложные доносы, искали случая перевести его въ болѣе дальнее и крѣпкое мѣсто. Пока былъ живъ царь Алексѣй Михайловичъ, дѣйствія враговъ Никона не имѣли большого успѣха: царь часто не давалъ хода ихъ жалобамъ и доносамъ. Весь вредъ этихъ доносовъ со стороны враговъ Никона ограничивался тѣмъ, что слабый характеромъ государь стѣснялся въ своихъ отношеніяхъ къ Никону, сузилъ ему перемѣну на лучшее и не исполнялъ своихъ обѣщаній; отправлялъ ему пословъ съ разными благожеланіями и словесными приказаніями, перемѣнялъ приставовъ стѣснявшихъ Никона, но не давалъ имъ въ руки никакихъ письменныхъ инструкцій и полномочій, которыми бы они могли вполне заручиться. Отъ того тяжелое положеніе Никона въ ссылкѣ еще болѣе увеличивалось; онъ ставился подъ произ-

воль назначенныхъ къ нему приставовъ, которые согласовали свои дѣйствія съ взглядами разныхъ сильныхъ при дворѣ лицъ и сообразно съ тѣмъ или увеличивали или ослабляли строгость своихъ отношеній къ Никону. Такая неопредѣленность въ положеніи еще болѣе мучила Никона. Неудовлетворенный въ своихъ стремленіяхъ и безпокойный отовсюду, онъ во все время своего заключенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ попережѣнно или впадалъ въ раздраженіе, открытое рѣзкое порицаніе всего его окружающаго, или переходилъ къ мелочнымъ придиркамъ, жалобамъ на свое состояніе и унижительнымъ просьбамъ изъ-за вещей малозначущихъ. По смерти царя Алексѣя Михайловича, съ перемѣною придворныхъ партій, противъ Никона тотчасъ же выступили всѣ силы, враждебно къ нему относившіяся; собраны были всѣ ложные доносы, поданные противъ него въ прежнее время; доносы эти вошли въ одинъ обширный по объему и сильный по содержанію и краскамъ обвинительный актъ, по которому Никонъ безъ слѣдствія и суда былъ переведенъ въ болѣе тяжкое заключеніе изъ Отрапонтова монастыря въ Кириллоблдозерскій. Пораженный этимъ новымъ ударомъ, ослабленный въ неравной борьбѣ съ обстоятельствами, годъ отъ году ослабѣвавшій въ силахъ отъ прежняго нравственнаго напряженія и отъ наступавшихъ тѣлесныхъ недуговъ, Никонъ въ это время впалъ въ то состояніе, когда постепенно притуляются у человѣка и чувство недовольства своимъ состояніемъ и чувство желаній; онъ достигъ глубокой старости и постепенно въ полномъ одиночествѣ, нѣсколько лѣтъ не встрѣчая ни откуда сочувствія, потухалъ, какъ потухаютъ послѣднія искры подъ пепломъ догоравшей свѣтильни; объявленная ему царская милость не могла уже воскресить его къ жизни, и возстановленіе его чести и славы могло произойти уже послѣ его блаженной кончины.

Патріархъ Никонъ на первыхъ же порахъ по прибытіи въ Отрапонтонъ монастырь встрѣтилъ для себя большія затрудненія. Братія монастыря съ неудовольствіемъ приняла къ себѣ опальнаго патріарха, тяготилась его присутствіемъ и содержаніемъ. Въ день

пріѣзда его она составила челобитную государю, въ которой такъ описывала свое затрудненіе: „Нынѣ присланъ къ намъ бывшій патріархъ Никонъ, а указу намъ нѣтъ, какова ему пища давать; а монастырь у насъ бѣдный и скудный, и погорѣлъ безъ остатку, и келейнымъ покоемъ истѣсненъе великое, и хлѣбу не дорода—вызѣбъ весь; а крестьянъ твоего жалованья за монастыремъ 321 дворъ, и то въ разныхъ городахъ. И о томъ, государь, о келейныхъ покояхъ и о пищѣ что ты, великій государь, укажешь“ ¹⁾. За недостаткомъ удобнаго помѣщенія, особенно послѣ пожара, не за долго до прибытія Никона истребившаго въ монастырѣ кельи и ограду, Никону со свитою отведены были находившіяся за монастыремъ больничныя братскія кельи „срадныя и закоптѣлыя, еже и изрещи неудобно“ ²⁾. Неудобства такого помѣщенія сряду же вызывали ропотъ въ заключенныхъ. Никонъ жаловался государю на пристава Шецелева: „онъ, везя меня, многія напасти мнѣ дѣлалъ, и привезши посадилъ меня въ больничныя кельишки, и я въ нихъ съ утару и нужды едва не умеръ“ ³⁾. Келейные старцы Никона, добровольно согласившіеся раздѣлять съ нимъ заключеніе, жаловались въ свою очередь на то, что ихъ какъ въ дорогѣ, такъ и по пріѣздѣ въ Отраповтово держали подъ строгимъ карауломъ и не давали свободного выхода изъ кельи. По этому поводу Никонъ въ первый же день по пріѣздѣ въ заключеніе сообщалъ приставленному для надзора за нимъ архимандриту Іосифу, и послѣдній доносилъ въ Москву восточнымъ патріархамъ и собору: „говорить монахъ Никонъ, чтобъ тѣхъ старцевъ и бѣльцовъ пускать по волѣ, куда они похотятъ ити или ѣхать, и воли бѣ у нихъ не отнимать; а я тѣхъ старцевъ по воли и иныхъ приходящихъ къ

---

¹⁾ Подлинная челобитная игумена Аѳанасія и келаря чернеца Макарія Злобина съ братьею отъ 21 декабря; получена въ Москвѣ 27 декабря (Синод. свѣтокъ № XII).

²⁾ Шущер. 81.

³⁾ Письмо Никона къ царю послѣ 15 марта 1673 г. (въ госуд. архивѣ).

нему безъ вашего указу пущать не смѣю, и о томъ что вы прикажете* ¹⁾).

19 генваря 1667 г. въ отвѣтъ на просьбы изъ Ферапонтова монастыря присланъ былъ сюда новый приставъ дворянинъ Степанъ Лаврентьевъ Наумовъ съ 20 стрѣльцами на смѣну прежняго пристава Аггея Шещелева. Ему не даво было особыхъ письменныхъ инструкцій для надзора за бывшимъ патріархомъ, но изъ приказа тайныхъ дѣлъ объявленъ словесный наказъ отъ царскаго имени склонять Никона къ примиренію съ государемъ и сообразно съ дѣйствіями Никона въ этомъ направленіи относиться къ нему или снисходительно или строго. Порученіе по своему характеру весьма затруднительное. Никонъ особенно на первыхъ порахъ никакъ не могъ примириться съ мыслию о своемъ заключеніи, считалъ себя несправедливо осужденнымъ и потому, увидѣвъ, что новый приставъ не привезъ ему царской милости, а только хлопоталъ о примиреніи и благословеніи для успокоенія смущенной совѣсти государя, сряду же въ рѣзкихъ формахъ отклонялъ это примиреніе. „Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, писалъ онъ государю; но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прошу... Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы, ты присылалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему—ждать суда Божія. Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова: и я ему тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія. Ты меня осудилъ и заточилъ; и я трикратно тебя проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ наче Оодома и Гомора: въ первый разъ, какъ уходилъ (въ 1658 г.) съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ; во второй разъ,

¹⁾ Донесеніе архимандрита Іосифа отъ 21 декабря получено въ Москвѣ 27 декабря, вмѣстѣ съ приведенною выше челобитною братіи Ферапонтовскаго монастыря; въ донесеніи Іосифъ сообщаетъ о келейныхъ старцахъ Никона, прибывшихъ съ нимъ въ Ферапонтово, о беззакословной отдачѣ Никономъ патріаршей мантии и посоха и объ отправкѣ ихъ въ Москву съ ерапонтовскими іеромонахомъ Варлаамомъ (Синод. святось).

какъ приходилъ предъ Рождествомъ (въ 1664 г.) и былъ изгнанъ, во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ, какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ“¹⁾. 18 марта того же года произошла смѣна и архимандрита, приставленнаго къ Никону; на мѣсто нижегородскаго архимандрита Іосифа прибылъ новый, извѣстный уже намъ добротою своихъ отношеній къ Никону по отъѣздѣ его изъ Москвы въ Ферапонтово, отставной новоспаскій архимандритъ Іосифъ, жившій на покоѣ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ²⁾. Сряду по прибытіи новаго архимандрита, приставъ Наумовъ посылалъ его съ стрѣleckимъ сотникомъ Тихономъ Лабутинымъ уговаривать Никона, чтобъ онъ написалъ государю письмо въ примирительномъ духѣ и далъ ему свое благословеніе, обѣщая за то всякую милость отъ государя и возвращеніе изъ ссылки въ одинъ изъ построенныхъ имъ монастырей; но Никонъ остался по прежнему непреклоннымъ. Понятно, такой отказъ Никона отъ примиренія не могъ содѣйствовать облегченію его участи. Никонъ оставался жить въ прежнихъ кельяхъ и подвергнутъ въ нихъ большому стѣсненію. Стефанъ Наумовъ, по словамъ Никона, „приложилъ зло ко злу, свѣтъ келейный у меня отнял, окна заковалъ желѣзными жрестами (рѣшеткой), такъ что и днемъ приходилось съ лучиною отправлять келейное правило; и изъ кельи не велѣлъ никому ни ходить, и въ келью и близъ кельи проходить и подавать никому не велѣлъ, и такъ морилъ меня съ моими келейными старцами“³⁾; близъ монастыря проходила тогда большая дорога на Баргополь;

¹⁾ Исторія Россіи *Соловьева*; т. XI., изд. 1870 стр. 323—329.

²⁾ Черновые списки двухъ грамотъ патріарха Іоасафа II—одной въ Троицко-Сергіевскій монастырь объ отпускѣ архимандрита Іосифа въ Ферапонтово на смѣну нижегородскаго архимандрита (съ датой 28 Февраля) и другой въ Ферапонтовъ монастырь на имя послѣдняго (отъ 3 марта) и царской наказной памяти (отъ того же времени) на имя бывшаго новоспасакаго архимандрита съ такою же инструкціею о надзорѣ за Никонимъ, какаа дана и его предшественнику, находятся въ синод. святаѣ № XII.

³⁾ Письмо п. Никона къ царю въ мартѣ 1673 г.

приставъ велѣлъ отвезть ее на другое мѣсто, подальше отъ монастыря, чтобъ изъ постороннихъ никто не могъ проходить мимо кельи Никона ¹⁾. Тягость такого заключенія особенно отзывалась на келейныхъ старцахъ и служкахъ Никона; іеромонахъ Палладій, іеродіаконъ Іоасафъ и два бѣльца Герасимъ Матвѣевъ и Ипатъ Михайловъ подали двѣ челобитныя на имя государя; въ нихъ писали, что, отправившись добровольно проводить бывшего патріарха, они рассчитывали на свободу своей жизни, но теперь сидятъ подъ карауломъ, а воли имъ и отпуску никуда нѣтъ, и потому просили государя объ освобожденіи ихъ изъ заключенія и возвратѣ на прежнія мѣста своего жительства. 15 марта состоялся приказъ государя объ ихъ отпускѣ; 5 апрѣля они выѣхали изъ Терапонтова монастыря, 10 апрѣля были уже въ Москвѣ на допросѣ у патріарха Іоасафа, причѣмъ дали подробныя свѣденія о жизни Никона въ заключеніи; 22 числа изъ патріаршаго разряда отпущены въ Воскресенскій монастырь, куда они привезли собственноручную роспись Никона съ просьбою прислать ему въ Терапонтонъ монастырь книгъ, денегъ, рыбы и всякаго хлѣбнаго запаса ²⁾.

Пріѣздъ изъ Терапонтова непосредственныхъ свидѣтелей жизни заключеннаго патріарха и рассказы ихъ о тягости этого заключенія обратили вниманіе правительства на патріарха Никона; въ іюль того же 1667 года государь послалъ въ Терапонтонъ своего стряпчаго Ивана Образцова съ нарочною цѣлію провѣрить на мѣстѣ слухи о тяжеломъ положеніи Никона и насколько возможно облегчить его заключенію. Образцовъ, явившись къ Никону, объявилъ, что приставъ Наумовъ держитъ его за желѣзными рѣшетками безъ царскаго позволенія и за то будетъ наказанъ; патріарху и старцамъ его дозволялся свободный выходъ изъ кельи и приходъ къ нему лицъ постороннихъ съ вѣдома пристава; вручилъ Никону большую денежную царскую милостыню ³⁾, а игумену, келарю и братіи Терапонтонъ

¹⁾ Шушер 82. ²⁾ Дѣла въ госуд. архивѣ.

³⁾ По словамъ Шушерина—1000 руб. (стр. 85), по другимъ даннымъ 500 р. лично патріарху и 200 руб. находившимся при немъ старцамъ (*Соловецкія исторія* XI, стр. 333).

рапонтовскаго монастыря объявилъ царскій наказъ для улучшенія хлѣбнаго содержанія ссыльнаго патріарха дать ему во владѣніе бородавское озеро и монастырскій неводъ съ ловцами, а въ бородавской волости на рѣкѣ Шексѣ дать ему право ловить красную рыбу—осетровъ и стерлядей ¹⁾); вмѣстѣ съ тѣмъ приказано выстроить ему новыя кельи ²⁾). За самоуправство приставъ Наумовъ былъ посаженъ Образцовымъ подъ арестъ—въ сторожку часа на три; патріархъ Никонъ былъ очень недоволенъ такимъ малымъ наказаніемъ пристава: „Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа“; но приставъ явился къ патріарху съ просьбою о прощеніи, оправдывалъ свои прежнія отношенія къ нему распоряженіями высшаго начальства: „я человекъ подневольный, какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ“. Съ этихъ поръ приставъ на время пересталъ относиться къ Никону подозрительно, сталъ навѣщать его, бесѣдовать съ нимъ, передавалъ ему разные слухи о томъ, что происходитъ въ Москвѣ, при дворѣ, и въ государствѣ. Бесѣды эти принимали подчасъ интимный характеръ. Наумовъ постоянно сообщалъ Никону, что царь къ нему милостивъ, хочетъ не только освободить его изъ заключенія, но и возстановить его въ санѣ: „ты только дай государю благословеніе и прощеніе, а государь для тебя ни въ чемъ не постоитъ, клянусь головою“ ³⁾). Смягченный такими завѣреніями Наумова, патріархъ рѣшился исполнить желаніе государя и написалъ ему письмо, въ которомъ заявлялъ: „Нынѣ 7 сентября приходилъ ко мнѣ Стефанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государевымъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государевому указу съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умирненіи, чтобъ я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, государь, меня богомольца своего милостію своею по своему разсмотрѣнію пожалуешь. И я тебя, великаго государя, и все твое

¹⁾ Изъ письма Никона къ государю въ мартѣ 1673 г. (въ госуд. архивѣ).

²⁾ Шушер. 85.

³⁾ Ист. Соловьева стр. 329—330. 338.

царское семейство благословляю и прощаю. А когда я, богомолецъ вашъ, ваши государскія очи увижу, и тогда вамъ государемъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, какъ святое евангеліе показываетъ о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ и дѣяніе святыхъ апостолъ, (которые) всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили. Смиранный Никонъ, милостію Божіею *патріархъ*, засвидѣтельствую страхомъ Божіемъ и подписалъ своею рукою". Для большей силы Никонъ просилъ пристава Наумова скрѣпить это посланіе и послѣдній подписалъ подъ нимъ: „Я Стефанъ Наумовъ, по указу великаго государя его милость сказывалъ, о умирени и благословеніи со упрошеніемъ молилъ и просидѣлъ, и къ сему списку руку приложилъ" ¹⁾.

Нравственное чувство добраго государя этимъ посланіемъ Никона было въ извѣстной степени удовлетворено; совѣсть его могла оставаться спокойной; примиреніе и благословеніе отъ заточеннаго патріарха было получено. Но трудно было удовлетворить личнымъ желаніямъ Никона, чтобы возвратить ему свободу и дать возможность лично благословить государя. Для этого нужно было уничтожить состоявшееся о немъ опредѣленіе собора и созвать новый соборъ, который бы перерѣшилъ дѣло его въ благопріятномъ для него смыслѣ. А объ этомъ тогда нельзя было и думать; осудившіе Никона восточные патріархи еще жили въ Москвѣ, хотя и сами находились въ затруднительномъ положеніи относительно возвращенія на свои престолы. Такимъ образомъ положеніе Никона оставалось по прежнему затруднительнымъ, а послѣ отправки приведеннаго посланія и невыполненія данныхъ ему обѣщаній, Никонъ считалъ себя нравственно приниженымъ и обманутымъ; хотя во внѣшней обстановкѣ своей жизни въ заключеніи онъ увидѣлъ нѣкоторыя облегченія, но душа его была неспокойна и онъ совершилъ нѣсколько новыхъ поступковъ, изъ-за которыхъ по временамъ испытывалъ новыя стѣсненія въ своемъ заключеніи.

¹⁾ Шумер. 83—84.

Матеріальное его положеніе съ 1667 года постепенно начало улучшаться. Еще 5 генваря 1667 г., сряду по полученіи изъ Отрапотова монастыря донесенія о скудости монастырскихъ средствъ для содержанія Никона, издавъ былъ на имя властей Кириллоблдозерскаго монастыря указъ помогать Отрапотовскому монастырю въ содержаніи Никона и присылать туда все, что ни потребуетъ приставъ, находящійся при Никонѣ, а приставу вѣлно удовлетворять всѣмъ требованіямъ послѣдняго. Всѣ хлѣбные и съѣстные запасы, одежда, обувь, все, что нужно было для домашняго обихода—посуда, мебель, свѣчи, все, что нужно было для отиравленія келейнаго и церковнаго правила, даже рабочіе люди и слуги—все это доставлялось главнымъ образомъ изъ Кириллоблдозерскаго монастыря, сначала по мѣрѣ надобности и по требованіямъ пристава, потомъ по мѣсячно и по недѣльно. Для этого напередъ составлялась особая требовательная роспись самимъ патріархомъ и при извѣстной его точности и хозяйственной предусмотрительности въ росписи подробно отмѣчалось, какія вещи, въ какомъ количествѣ и какъ онѣ должны быть сдѣланы. Для многихъ вещей онъ составлялъ свои „образцы“; такіе образцы были посланы при заказѣ шести столовыхъ ножиковъ и вилокъ, „свѣчъ восковыхъ ручныхъ, что говорятъ по книгамъ“; для креста деревяннаго къ келейному и церковному правилу онъ самъ вырѣзалъ образецъ изъ бумаги и подписалъ его своею рукою; выписывая портныхъ и сапожниковъ, Никонъ требовалъ, чтобъ они умѣли дѣлать „доброе монашеское платье, обувь сафьяную по его, Никона, рукѣ“; требуя присылки рыбы, замѣчалъ, чтобъ рыба была „жѣрная“ указанной длины, доставлена „въ цѣлѣ, живая въ бочкахъ“ и при доставкѣ „у Отрапотова монастыря не уснула“¹⁾. За первое время заключенія Никона указанные расходы на содержаніе патріарха Кириллоблдозерскій монастырь выполнялъ безпрекословно, потому что запросы на нихъ были еще не велики. До лѣта 1667 г.

¹⁾ Чтен. общ. ист. и древ. 1858, кн. 3 стр. 137—141. 150—158.

«Христ. Чтен.», № 1—2, 1885 г.

приходилось содержать определенное число лицъ: самого Никона, трехъ только келейныхъ его старцовъ, пристава съ 20 стрельцами и архимандрита. Терапонтовскій монастырь хотя и освобожденъ былъ отъ главныхъ расходовъ на содержаніе Никона, но и съ своей стороны значительно облегчалъ расходы Кириллова монастыря; онъ выставлялъ жизненные продукты первой необходимости—печеный хлѣбъ, мелкую рыбу, давалъ людей для домашнихъ услугъ и крестьянъ на рыбныя ловли для Никона. Но главная тяжелая статья для Терапонтова монастыря изъ-за Никона заключалась въ усиленной почтовой гоньбѣ, когда постоянно требовались люди и лошади для отправки разныхъ лицъ прїѣзжавшихъ изъ Москвы по дѣлу опальнаго патріарха, для розыска и доставки разныхъ колодниковъ, замѣшанныхъ въ его дѣло. На эту тягость для Терапонтовскаго монастыря всегда указываетъ самъ Никонъ и постоянно заботится объ ея облегченіи. Но всѣ эти тягости въ содержаніи Никона наступили съ конца іюля, со времени описаннаго выше прїѣзда Ивана Образцова.

Тогда приступили къ устройству новыхъ деревянныхъ келій для Никона, которыя и были закончены къ лѣту 1668 года. Невозможность доставки многихъ изъ требуемыхъ имъ вещей и продуктовъ, или доставка ихъ не въ указанной мѣрѣ, не по даннымъ образцамъ начинаетъ раздражать Никона; многія присланныя вещи онъ бракуетъ, отсылаетъ назадъ кириллоблзоевскимъ властямъ и „въ томъ на нихъ досадуетъ, что они къ нему запасу не сполна посылаютъ“, жалуется на то приставу Наумову, грозить доносомъ на нихъ государю. По этому поводу завязывается длинная переписка и дѣло доходитъ до того, что и приставъ и архимандритъ должны были или сами лично присутствовать при прїемѣ и осмотрѣ присылаемыхъ Никону вещей и продуктовъ, или просить присылки изъ Кириллова монастыря особаго „грамотнаго челоуѣка“, для рукоприкладства на роспискахъ во время прїема посылокъ, „потому что старецъ Никонъ въ ихъ присылкахъ за-

пирается, будто-де онъ у ихъ присыльщиковъ никакихъ запасовъ не принимавалъ прежь сего¹⁾).

Послѣ пріѣзда Ивана Образцова открылся доступъ къ Никону и для лицъ постороннихъ. Къ нему пачали стекаться съ разныхъ мѣстъ его почитатели; подходили къ нему подѣ благословеніе и по прежнему величали его патріархомъ; привозили ему разныя вѣсти, подарки и деньги. Число келейныхъ его старцевъ оиать увеличилось; съ 1668 года въ кельяхъ жило уже 6 старцевъ; а въ началѣ 1669 г. 10 старцевъ. Къ нему возвратился прежде ушедшій отъ него іеромонахъ Палладій и прибывали новыя лица: іеромонахи Тимофей, Варлаамъ, іеродіаконъ Мардарій, монахъ Виссаріонъ, Іоакимъ, Іона серебряникъ и другіе²⁾). Они отпращивали для Никона келейное правило, вели съ нимъ взаимную непринужденную бесѣду и дѣлили обычную будничную жизнь; они же, какъ близкія довѣренныя къ нему лица, употреблялись имъ для порученій и посылокъ въ разныя мѣста. Чаше всего Никонъ сноился съ своимъ любимымъ Воскресевскимъ монастыремъ; отсюда пріѣзжали къ нему монахи и монахини на нѣсколько времени, привозили ему денегъ и съѣстныхъ запасовъ³⁾). Благодаря такому облегченію въ участи Никона, имя и слава его оиать возрастають въ глазахъ мѣстнаго населенія; думали, что Никонъ скоро будетъ возвращенъ изъ ссылки на патріаршество; къ нему начинаютъ пріѣзжать съ поклономъ гражданскія мѣстныя власти—посадскіе съ соудныхъ городовъ, земской староста съ Вѣлоозера, голова съ кружечнаго двора съ Каргополя; архимандритъ Іосифъ и еерантонскій игуменъ Аѳанасій стали открыто величать Никона патріархомъ и позволяли такъ именовать его на ектевіяхъ. Но въ Москвѣ, зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ Ѳерантоновѣ и были очень недовольны облегченіемъ жизни Никона въ заключеніи; узнали, что Никонъ безъ вѣдома пристава разсылаеть своихъ стар-

¹⁾ Чтен. общ. ист. 152—154.

²⁾ Чтен. общ. ист. и древн. 133. 150. 151. 152. Шушер. 88. 89.

³⁾ Шушер. стр. 86.

цевъ и служекъ съ тайными порученіями; одного изъ этихъ служекъ въ августѣ 1667 г. велѣно арестовать и сослать, а Наумову сдѣланъ былъ выговоръ. Наумовъ опять сталъ строже относиться къ Никону, слѣдилъ за его перепиской, стѣснилъ доступъ къ нему постороннихъ лицъ; и когда Никонъ противъ того протестовалъ, то Наумовъ опять посадилъ его подъ крѣпкую стражу ¹⁾.

Новый 1668 годъ былъ встрѣченъ и проведенъ Никономъ весьма тревожно. Первые мѣсяцы онъ проводилъ въ хлопотахъ по устройству своихъ новыхъ келій и возобновленію церковной утвари для отведеннаго ему храма во имя Богоявленія Господня, помѣщавшагося надъ воротами монастырскими; черезъ пристава отправлялъ въ Кирилловскій монастырь подробныя росписи о вещахъ, которыя нужны были ему для церкви и келій; на нѣкоторыхъ изъ такихъ росписей намѣренно выставлялись отмѣтки о суровомъ заключеніи патріарха; такъ на росписи отъ 7 февраля 1668 года, писанной рукою старца его Тимоѳея, значилось: „Роспись сѣдѣющему во тѣлѣ и сѣни смертной, окованному нищетою и желѣзомъ, смиренному Никону, милостію Божіею патріарху“ ²⁾. Но кирилловскія власти многого изъ этихъ требованій не усгибвали исполнить, многое дѣлали не по присланнымъ образцамъ, а потомъ, наскучивъ усилившимися требованіями Никона, совсѣмъ отказались ихъ выполнять, такъ что патріархъ принужденъ былъ многое покупать на свои деньги и содержаться трудами своихъ келейныхъ старцевъ. Прекрасную обрисовку жизни Никона за это время представилъ приставъ Наумовъ въ своемъ допесеніи государю передъ

¹⁾ Соловьева исторія; т. XI стр. 330.

²⁾ Содержаніе этихъ требовательныхъ росписей подробно изложено въ «Чтен. общ. ист. и древн.» стр. 150—152. Кроме отмѣтокъ на росписяхъ патріархъ Никонъ въ это же время приказалъ своему старцу Іову вырѣзывать особымъ надписи на своей келейной оловянной посудѣ и на крестахъ, поставленныхъ имъ на проѣзжей дорогѣ въ монастырь; во всѣхъ этихъ надписяхъ заявлялось о тяжеломъ заключеніи патріарха; на придорожныхъ крестахъ было вырѣзано: «Никонъ, Божіею милостію *патріархъ*, постави сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь, на Бѣльв озерѣ въ Ферапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ». (Шушер. стр. 88).

Пасхою 1668 года; онъ сообщалъ: „Нынѣ 1 марта по твоему государеву указу я писалъ въ Кирилловъ монастырь строителю старцу Ефрему Потемкину, чтобы онъ прислалъ бывшему патриарху старцу Никону для келейной и церковной его службы мѣсячную мѣну и прологъ съ марта мѣсяца, писалъ и про свѣчи воскресныя и сальныя, что надобно ему въ келью на расходъ, и что ему надобно запасу муки на хлѣбъ и солоду на квась; и твоему указу строитель явился непослушенъ, старцу Никону ничего не присылаетъ и впредь посылать во всемъ отказался; прежнія кирилловскія власти твоему указу были послушны и запасы всякіе и свѣчи, и ладанъ посылали, и отказу отъ нихъ не бывало; а нынѣ старцу Никону и братіи его питаться стало нечѣмъ. А братіи, государь, съ нимъ живетъ въ келіи человекъ десять и больше; а Ферапонтовъ монастырь мѣсто небогатое и разоренное отъ пожару, хлѣбовъ у нихъ въ монастырѣ конечно скудно. Да говорилъ мнѣ словесно бывшій патриархъ старецъ Никонъ, чтобы ты, великій государь, его пожаловалъ, велѣлъ ему съ братією выдавать хлѣбъ и пищу и на свѣчи и шпоницы на просфоры и всякій запасъ помѣсячно; и ты, государь, веди свой указъ о томъ учинить. А братія его, съ нимъ живущая въ кельи, священники, діаконы и клирошане, всякую келейную работу ему работаютъ, келіи нагрѣваютъ, и варятъ, и обшиваютъ; а Ферапонтова монастыря слугъ и поваровъ по сіе время въ келью къ себѣ не имывали, тружается самъ съ братією, и келейный обиходъ кромя хлѣба временемъ покупаючи ѣсть“¹⁾). Государь снѣшилъ исполнить желаніе опальнаго патриарха; тотчасъ же отіравилъ въ Кирилловъ монастырь наказъ о доставкѣ помѣсячно всѣхъ нужныхъ ему запасовъ, а изъ своихъ рыбныхъ ловель велѣлъ послать Никону живыхъ осетровъ и стерлядей²⁾). Патриархъ Никонъ, отказавшійся передъ тѣмъ отъ пріема царскихъ подарковъ, для дня святой Пасхи (22 марта 1668 года) рѣшился торжественно заявить о

¹⁾ Дѣло въ госуд. архивѣ. На донесеніи Наумова отызка о времени получения его въ Москвѣ: 176 г. марта 23.

²⁾ Чит. общ. ист. стр. 140.

своемъ примиреніи съ государемъ: сряду послѣ литургіи въ Богоявленскомъ храмѣ, въ которомъ съ этого времени стали совершать богослуженіе для него его келейные старцы, онъ пригласилъ къ себѣ въ келью пристава, архимандрита Іосифа, Ѳерапонтовскаго игумена и келаря вкусить съ собою хлѣба-соли, за столомъ велѣлъ принести присланное отъ царя еще къ сырой недѣлѣ вино и торжественно провозгласилъ здоровье государя ¹⁾. Но не дремали и враги Никона. Узнавъ, что онъ до сихъ поръ продолжаетъ считать себя патріархомъ и открыто заявляетъ о своемъ будто бы невинномъ заключеніи „за слово Божіе“ и ищетъ полного примиренія съ государемъ, а слѣдовательно и возвращенія изъ ссылки, они всѣми силами желали ему въ томъ воспрепятствовать. 9 апрѣля, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ получено было приведенное выше донесеніе Наумова о тяжеломъ положеніи Никона въ заключеніи и когда доставлено новое дозесеніе пристава о торжественно заявленномъ Никонѣмъ желаніи полного примиренія съ государемъ, въ Москвѣ происходило новое соборное совѣщаніе двухъ восточныхъ патріарховъ съ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ и архіереями по дѣлу Никона. На этомъ соборѣ рѣшено было отправить Никона въ болѣе дальнюю ссылку и подвергнуть его болѣе суровому заключенію. Приводимъ записъ этого новаго соборнаго приговора во всей ея цѣлости: „186 (1668) года апрѣля въ 9 день патріархи Пасій, Макарій и Іоасафъ и митрополиты, и архіепископы, и епископы и весь соборъ, имже прилучися быти въ царствующемъ градѣ Москвѣ, о Никонѣ монахѣ, бывшемъ патріархѣ, пѣкннхъ ради вины судиша быти снпе: Изъ Ѳерапонтова монастыря, въ которомъ по повелѣнію святѣйшихъ патріарховъ и всего собора монаху Никону повелѣно жить, перевести ево въ иной монастырь въ дальней. А Спасскаго монастыря бывшаго архимандрита Іосифа и иныхъ служебниковъ, которые посланы къ нему, Никону монаху, переменить. А на его мѣсто на перемену послать изъ черныхъ же властей, кого великій государь укажетъ. А тому архиман-

¹⁾ Шушер. 85—87. Чтен общ. вст. стр. 141—142.

дриту или игумену, кто посланъ будетъ, приказать съ великимъ подкрѣпленіемъ подъ церковною казнію, чтобъ никого въ тотъ монастырь, въ которомъ указано будетъ Никону монаху быти, ни съ какими писмами и посылками къ нему Никону не пропускать, и никакія бѣ писма ни съ кѣмъ принесены къ нему не были. И отъ него Никона монаха никакихъ писемъ ни къ кому ни съ кѣмъ не было бѣ. А пищу и питіе тому архимандриту или игумену, кому быть у него Никона до указу, святѣйшіе патріархи повелѣли имать изъ Кириллова и изъ иныхъ вологодскихъ и бѣлозерскихъ монастырей“ ¹⁾). Но такое строгое опредѣленіе собора, шедшее прямо въ разрѣзъ со взглядами и чувствами государя, не было одобрено государемъ и осталось безъ исполненія. Оно только наглядно обрисовало направленіе двухъ борющихся сторонъ въ дѣлѣ оаьнаго патріарха и объясняетъ причины, почему облегченіе участи Никона надолго затормозилось.

Никонъ остался жить въ Терапонтеномъ монастырѣ, но подвергся самому строгому усиленному надзору со стороны пристава Наумова, и до смѣны этого пристава въ половинѣ 1671 года испытывалъ самыя тяжелья душевныя муки. Разставленный около келій Никона и въ разныхъ мѣстахъ близъ Терапонтеновскаго монастыря стрѣлцкій караулъ внимательно слѣдилъ за всѣми лицами, пріѣзжавшими къ Никону; всѣхъ этихъ лицъ приводили къ приставу для обысковъ и допроса. Многіе изъ пріѣзжавшихъ не умѣли или не хотѣли объявлять о цѣли своей поѣздки къ Никону; давали фальшивыя показанія, путались въ нихъ, и потому сряду же брались подъ арестъ, подъ карауломъ отправлялись въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ къ болѣе строгимъ допросамъ и пыткамъ, подвергались наказаніямъ и ссылкѣ. Все время съ лѣта 1668 г. по конецъ 1670 года проходило въ такихъ арестахъ, рѣзкахъ и ссылкахъ; по дѣлу Никона привлекались къ суду и разные монахи, монастырскіе служки и крестьяне, жившіе не только въ Терапонтеновѣ и другихъ сѣверныхъ монастыряхъ, но и въ самой

¹⁾ Синод. свѣтокъ № XII.

дѣло имъ объявилъ твое безголовное, что на Москвѣ извѣстники твои хотятъ тебя очаровать или очаровали. Я просидѣлъ дать поводу и провожатыхъ, съ кѣмъ бы мнѣ отпустить къ тебѣ своего человѣка. Но приставъ Наумовъ долго въ томъ съ крикомъ, бранью и угрозами мнѣ отказывалъ. Наконецъ отпустилъ своего человѣка, да вора стрѣльца, а меня велѣлъ заковать и около кельи поставить семь карауловъ“. 20 октября въ присутствіи государя и бояръ Флавіану сдѣланъ былъ допросъ, въ чемъ состоитъ извѣщаемое имъ отъ имени Никона „слово и дѣло“. Тотъ передалъ вѣсть, сообщенную Палладіемъ и слышанную имъ отъ инока Іоила, но переицталъ фамилію боярина, вмѣсто Богдана Хитрово придворные происки приписалъ окольному Оѣдору Ртищеву. Призванные на очную ставку монахи Іоиль и Палладій отрицали всякій разговоръ между собою о бояринѣ Хитрово, а Палладій отрицалъ и передачу этого разговора Никону: „вольно старцу Никону меня покланать, онъ затѣвуетъ умѣть“, и при этомъ же донесъ, что Никонъ велѣлъ выгнать его, Палладія, изъ Оѣрапонтова за то, что онъ протестовалъ противъ утайки Никономъ денегъ, присланныхъ съ Иваномъ Образцовымъ на старцевъ. Сдѣланъ былъ обыскъ въ кельѣ Іоила въ знаменскомъ монастырѣ и здѣсь нашли разныя русскія, латинскія и польскія книги и тетради большею частію астрономическаго и медицинскаго содержанія. Всѣ эти книги и тетради Іоиль призналъ своимъ, въ леченіи по этимъ книгамъ виновался и возлагалъ свою судьбу на волю царя, патриарха и собора. По окончаніи допроса старецъ Флавіанъ и іеромонахи Іоиль и Палладій отданы подъ караулъ за приставомъ, а въ Оѣрапонтовъ монастырь въ началѣ ноября отправленъ стрѣлецкій голова Юрій Петровъ Лутохинъ допросить Никона лично по поводу его извѣта и разъяснить противорѣчія въ показаніяхъ, данныхъ монахами при обыскѣ. Никонъ подтвердилъ, что онъ доносилъ о замыслахъ Хитрово, а не Ртищева, и что Флавіанъ ослушался; относительно Палладія Никонъ показалъ: въ свое время „я его не задержалъ и не отправилъ къ государю потому, что

надѣялся вскорѣ самъ государевы очи видѣть. Сказывалъ мнѣ Наумовъ, что великій государь пожалуетъ, велитъ взять меня въ Москву скоро; выманилъ у меня Наумовъ великому государю и дому его благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Отрапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государевой милости не будетъ, то я по прежнему ничего отъ государя принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что говорилъ прежде съ клятвою⁴. Лутохину поручено было провѣрить и другія жалобы Никона на недостатки въ содержаніи, чего ему не даютъ изъ кушанья, отъ чего онъ самъ носилъ въ келью дрова и воду. Никонъ показывалъ, что ему и теперь кромѣ щей и худого квасу ничего не даютъ и морятъ его съ голоду, что онъ дрова и воду носилъ прежде за отсутствіемъ прислуги, а теперь не носить. Монастырскія власти въ свое оправданіе указывали на садки съ всякой живой рыбой, заведенные Никономъ; тотъ объяснялъ, что эта рыба давняя, „изсидѣлась“, что свѣжей привозной рыбы изъ назначенныхъ для него озеръ въ садкахъ нѣтъ. Лутохинъ осматривалъ и кресты, поставленные въ разныхъ мѣстахъ Никономъ съ извѣстною надписью¹).

Присылка Лутохина въ Отрапонтвъ монастырь послужила началомъ обвиненія Никона въ болѣе тяжкомъ преступленіи, — въ государственной измѣнѣ. Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, представленный къ надзору за Никономъ и сочувственно относившійся къ нему прежде, когда узналъ, что высшія духовныя власти недовольны имъ, архимандритомъ, и желаютъ перемѣнить его другимъ лицомъ, рѣшился самъ просить объ этой перемѣнѣ, чтобы

¹) Дѣло въ госуд. архивѣ. Документальное изложеніе этого розыска по дѣлу п. Никона приведено въ исторіи Соловьева т. XI стр. 331—334. Въ 1673 г. отрапонтвскій игуменъ Аонасій приносилъ публичное покаяніе предъ п. Никономъ въ ложныхъ сообщеніяхъ о немъ Лутохину за время описаннаго здѣсь розыска.

предупредить тѣмъ всякія нареканія за свои дѣйствія. Въ октябрѣ онъ отправилъ двѣ челобитныя, одну на имя патріарха Тоасафа, другую на имя вліятельнаго тогда въ Москвѣ митрополита Павла сарскаго и подонскаго; въ челобитныхъ онъ заявлялъ: „въ прошломъ 1667 году марта въ 5 день велѣно мнѣ быть въ Терапонтонскомъ монастырѣ съ бывшимъ московскимъ патріархомъ Никономъ до указа, и я живу здѣсь — животь свой мучу на другой годъ восьмой мѣсяць, испытываю нужду и болѣзнь: у меня ноги пухнутъ, а нынѣ на правую ногу и ступить не даетъ; прежде я писалъ тебѣ, патріарху, о всякой своей келейной нуждѣ; и указу мнѣ по се число никакого не бывало; вели святѣйшій патріархъ пережѣнить меня“¹). Не получая отвѣта на свою просьбу, архимандритъ Іосифъ воспользовался пріѣздомъ Лутохина и подалъ ему извѣтную челобитную; въ которой объявлялъ великое страшное государево слово и дѣло, измѣну бывшаго патріарха монаха Никона и пристава Наумова, и просилъ Лутохина теперь же взять его архимандрита съ собою въ Москву; „а въ Терапонтонѣ монастырѣ быть мнѣ не мочно для того, что за такія великія страшныя дѣла погубять запапрасно и отъ того государеву дѣлу снопа и поруха будетъ большая“. Съ этимъ извѣтомъ Іосифъ подалъ и челобитную на имя государя; въ ней указывалъ, что „есть за мною твои государевы великія слова и дѣла и всякая вѣдомость“, и просилъ взять его къ Москвѣ и распросить передъ собою. 20 ноября отправленъ въ Терапонтонѣ наказъ взять архимандрита Іосифа и съ провожатыми немедленно доставить его въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Здѣсь архимандритъ сообщилъ: „Весною 1668 г. были у Никона вору, допскіе козаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человекъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе козаки, и про другихъ

¹ Эти двѣ челобитныя архимандрита Іосифа съ письмомъ его такого же содержанія на имя его брата священника Назарія Федоровича находятся въ госуд. архивѣ; на оборотѣ послѣдняго письма надпись: «Отдана грамота на Москвѣ въ Чудовъ монастырь ризничему дякону Андреяну, а ему бы пожаловать отослать не захѣвшанъ за тверскіе ворота на Козье болото священномученика Фрола священнику брату Назарію».

сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: „Нѣтъ ли тебѣ какого утѣшенія, мы отсюда тебя опростаемъ“. Никонъ говорилъ мнѣ также: „И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе казаки и говорили: если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество посадимъ, соберемъ вольницу, болгарскихъ людей“. Никонъ сказывалъ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію цареградскаго патріарха; писалъ ему объ этомъ Аванасій митрополитъ икопійскій“. Начались новыя розыски, пытки и ссылки. При этихъ розыскахъ одинъ монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ даже бѣжать изъ Оеранонтова и обратиться къ народу съ жалобой на напрасное заточеніе ¹⁾). Намъ неизвѣстны документы, въ которыхъ излагалась бы сущность этихъ розысковъ и ясно открывалась бы степень виновности Никона по первому изъ этихъ доносовъ. Но имѣются другіе факты, заставляющіе признать совершенно страдательное участіе Никона въ начинавшемся тогда общественномъ броженіи, вскорѣ завершившемся разинскимъ бунтомъ. Донскіе казаки свободно разгуливали тогда по окраинамъ Россіи и подготовляли смуту; ихъ много было и на сѣверѣ Россіи, гдѣ они принимали дѣятельное участіе въ соловецкомъ возстаніи; за начавшимися съ половины 1668 г. усиленными розысками по дѣлу Никона, за постояннымъ разгономъ приставленныхъ къ Никону стрѣльцовъ для отвоза разныхъ колодниковъ въ Москву, приставъ Степанъ Наумовъ нуждался въ пополненіи своей стражи новыми людьми, вызывалъ для того разныхъ монастырскихъ служекъ и въ числѣ ихъ попадались бродившіе тогда донскіе казаки ²⁾); въ Кирилловокомъ монастырѣ также появляются бродячіе монахи, побывавшіе въ шайкѣ донскихъ мятежниковъ и зазывавшіе мѣстныхъ монаховъ идти съ собой „на низъ на Волгу въ козачей полкъ воровской, что Разинъ слылъ, чтобы тамъ поить“ ³⁾). Такіе агенты Разина были и въ Оера-

¹⁾ Соловьева ист. XI, 334—335. Чтен. общ. ист. ст. 153—154.

²⁾ Чтен. общ. ист. и древн. 152. 153.

³⁾ Весьма интересный въ этомъ отношеніи документъ помѣщенъ въ „Лѣтописи занятій археографической комиссіи“. Сиб. 1864 выд. II стр. 67—68.

пентовомъ монастырѣ; привлечь ихъ на свою сторону опальнаго патріарха и именемъ его подпять бунтъ на всемъ сѣверѣ Россіи было заманчиво. Въ послѣдствіи на допросахъ самъ Никонъ не отрицалъ того факта, что при Наумовѣ со стрѣльцами приходили къ нему три казака и высказывали передъ нимъ свои пужды и жалобы на правительство; а въ обвинительномъ актѣ, составленномъ въ 1676 г. противъ Никона, прямо уже говорится, что „эти три козака звали его, Никона, съ собою, чтобъ онъ съ ними шелъ къ Кириллову монастырю, а ихъ-де пришло по него 200 человекъ, а есть де готово и 5,000 человекъ, и чтобъ Степана Наумова убить до смерти и Кирилловъ монастырь разорить и съ тою бѣ казною и съ пушки и съ запасы идти на Волгу“. Прибавимъ, что казаки могли и, можетъ быть, пытались употребить надъ Никономъ и насиліе. Но этия ли казацкія движеніемъ, развивавшимся на сѣверѣ Руси, нужно объяснять тотъ загадочный фактъ, что ночью 22 генваря 1669 года, когда происходили еще розыски по извѣту архимандрита Іосифа, еералпентовскій келарь Макарій Злобинъ „собрался паряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками, да съ приходящими ворами, пьянымъ обычаемъ, разбилъ караулъ стоящій у Никона, сотника и стрѣльцевъ побилъ на голову“, такъ что Наумову для усиленія охраны пришлось просить государя о присылкѣ новыхъ стрѣльцовъ изъ самой Москвы ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, остается только тотъ голый фактъ, что допскіе казаки хотѣли воспользоваться обаяніемъ великаго патріарха, приглашали его перейти на свою сторону, послѣ отъ имени его разсылали преступныя прокламаціи ²⁾; но патріархъ Никонъ не только не измѣнилъ государственному долгу, не только не принялъ преступнаго предложенія, но вскорѣ предупреждалъ еще государя о начинающейся великой государственной смутѣ.

Что касается другого пункта въ доносѣ архимандрита Іосифа противъ Никона, вопроса о сношеніяхъ его съ своими привержен-

¹⁾ Чтен. общ. ист. и дравн. стр. 154.

²⁾ Соловьев. ист. т. XI стр. 377. 378.

цами въ Москвѣ и на Востокъ въ видахъ пересмотра и отъѣны состоявшагося соборнаго о немъ опредѣленія, то этотъ пунктъ имѣетъ за собою нѣкоторое фактическое основаніе. Аѳанасій митрополитъ иконійскій, давшій важныя показанія въ пользу Никона противъ полномочій обоихъ восточныхъ патріарховъ, прибывшихъ въ Россію для суда надъ нимъ, хотя и былъ подвергнутъ строгому заключенію въ Симоновомъ монастырѣ, но и здѣсь въ 1666 г. не переставалъ вести тайную переписку съ патріархомъ Никономъ¹⁾. Во время суда надъ Никономъ Аѳанасій былъ освобожденъ изъ заключенія, оставленъ въ Москвѣ отправлять церковное богослуженіе при государѣ²⁾, и въ такомъ положеніи имѣлъ болѣе возможности поддерживать сношенія съ Никономъ. Съ Востока была уже отправлена горячая просьба объ облегченіи участи Никона; 15 мая 1668 года бывшій константинопольскій патріархъ Паревній писалъ государю: „будь царемъ совершеннѣйшимъ, справедливымъ, тебя зовутъ милостивымъ, окажи эту милость требующимъ, изъ нихъ есть и одинъ много пренебрегаемый Никонъ; довольно, довольно для него такого изгнанія; молимъ тебя, возврати его въ монастырь свой; для наказанія ему достаточно одной ссылки, не обременяй его большимъ, оставляя такого достойнаго человѣка въ такомъ великомъ пренебреженіи, возврати изъ ссылки крестившаго твою благословенную отрасль; не медли царь, молю тебя, но какъ можно скорѣе дай освобожденіе Никону, чтобъ возвратился въ монастырь свой, да радуется и вся вселенная скорбящая о немъ“³⁾. Но грамота эта пришла въ Москву (20 февраля 1669) спустя много времени послѣ того, какъ началось разслѣдованіе по извѣсту новоспаскаго архимандрита Іосифа; по розыску Аѳанасій иконій-

¹⁾ Переписка эта издана въ «Русскомъ архивѣ» 1873 г. ч. II стр. 160 и слѣд.

²⁾ Челобитныя его государю за время отъ 1666 по 1668 годъ о выдачѣ ему содержанія находятся въ «греческихъ дѣлахъ» московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ за 7174 г. № 3 и 7176 г. № 2.

³⁾ Грамота п. Паревнія издана П. Гиббеномъ во II томѣ его «Исслѣдованія о дѣлѣ п. Никона». Спб. 1884 стр. 1116—1117.

скій опять оказался виновнымъ въ сношеніяхъ съ Никономъ и 11 декабря 1668 года отправленъ въ ссылку въ макарьевскій Желтоводскій монастырь на Унжу ¹⁾, гдѣ и скончался въ 1670 г. ²⁾. А патріархъ Никонъ по прежнему оставленъ въ Оераноптовѣ подъ строгимъ карауломъ.

3 марта 1669 г. скончалась царица Марья Ильинична; царь Алексѣй Михайловичъ, рассылавшій повсюду милостыни для поминовенія любимой супруги, не забылъ и патріарха Никона и отправилъ ему съ окольными Родіономъ Стрѣшневымъ 500 рублей денегъ. Но Никонъ, недовольный невыполненіемъ царскихъ обѣщаній объ его освобожденіи, отъ припятія царскихъ даровъ отказался, ссылаясь на то, что и безъ подарковъ по одному правственному долгу онъ обязанъ совершать и совершаетъ церковное поминовеніе по усопшей царицѣ ³⁾. Въ разговорахъ со Стрѣшневымъ патріархъ, оправдываясь отъ нареканій за сношенія его съ донскими казаками, передавалъ ему и свои соображенія относительно движенія въ казачествѣ; онъ указалъ ему близость великой государственной смуты отъ воровъ и измѣнниковъ казаковъ; причину этой смуты онъ видѣлъ въ интригахъ и насиліяхъ бояръ, враждовавшихъ противъ государя и шедшихъ противъ его правительственныхъ распоряженій; эта боярская интрига грозитъ спокойствію царской семьи и государства; она и безъ того уже произвела смуту въ русской церкви несправедливымъ тяжелымъ заключеніемъ ея патріарха; и впредь, если эта неразумная запретительная клятва восточныхъ патріарховъ, осужденіемъ русскаго первосвященника нало-

---

¹⁾ Указъ государя о ссылкѣ м. Аванасія издавъ тамъ же стр. 1113.

²⁾ Родной братъ митрополита Аванасія, Юрій Антоновъ, въ челобитной поданной государю въ 1673 году, писалъ, что онъ по смерти митрополита оставался жить въ Желтоводскомъ монастырѣ, былъ свидѣтелемъ разоренія этого монастыря отъ казаковъ во время разинскаго бунта; послѣ смутнаго времени по указу п. Иовсафа взявъ въ Москву и помѣщенъ на Кирилловскомъ подворьѣ; жель здѣсь двѣмъ годъ и послѣ царскаго указа о высылкѣ греновъ изъ Москвы на родину просилъ государя объ этомъ отпустить и для себя. (Греческія дѣла въ москов. иностр. архивѣ за 1781 г. № 12).

³⁾ Шушер. стр. 90.

жепная на весь православный российский народъ, не снимется, добра ждаты нечего ¹⁾). Замѣчанія Никона Стрѣшневу оправдывались; въ октябрѣ 1670 г. рассылаются по русской землѣ царскія грамоты, возвѣщающія о бунтѣ Стеньки Разина и убѣждающія народъ не переходить на сторону мятежниковъ ²⁾). Когда Разинъ былъ схваченъ и привезенъ въ Москву, то на пыткахъ и на огнѣ допрашивали его и о сношеніяхъ съ Никономъ, причемъ Разинъ, братъ его Фролка и товарищъ его Лазорка дали вынужденныя и неопредѣленныя показанія, которыя послѣ послужили матеріаломъ для новыхъ усиленныхъ обвиненій Никона въ государственной измѣнѣ. Положеніе патріарха Никона въ это тревожное время было ужасное; перенесенныя имъ сильныя нравственныя пытки отозвались и на его здоровьѣ. „Съ тѣхъ поръ, описывалъ послѣ Никонъ свою болѣзнь, я оцылжалъ и одрахлаѣлъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать; за грѣхи мои въ лѣвой рукѣ боль настала и дѣйствовать нисколько не можетъ“. А приставъ Наумовъ 10 декабря 1670 г. писалъ къ кирилловскому архимандриту Никитѣ, что старецъ Никонъ волею Божіею „заскорбѣлъ гораздо“, желаетъ исповѣдаться и приобщиться и для этого вызываетъ къ себѣ своего духовника, указаннаго архимандрита ³⁾). Съ слѣдующаго года произошло временное облегченіе въ положеніи Никона.

22 января 1671 г. царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ во второй бракъ съ Натальею Кирилловной Нарышкиной и по этому радостному случаю отправилъ въ Оранонтово къ патріарху Никону стольника Даріона Абрамовича Лопухина съ свадебными подарками: прислалъ ему 700 рублей деньгами, три мѣха на шубы—соболій, лисій, бѣличій, сукно и тафту, 15 трубокъ тонкихъ полотень, 20 полотенцевъ; Никонъ дары эти принялъ и сряду же отвѣчалъ государю письмомъ, въ которомъ благодарилъ его за оказанное ему вниманіе и богатую милостыню, высказывалъ цар-

¹⁾ Соловьева истор. XI. стр. 335.

²⁾ Аягы археогр. экспед. IV № 178—180.

³⁾ Чтен. общ. истор. стр. 148 и 156.

своей семьѣ разныя благожеланія и въ концѣ не преминулъ охарактеризовать царскихъ пословъ, къ нему отправляемыхъ ¹⁾). 24 апрѣля совершилось другое радостное событіе. Разинъ былъ схваченъ и государь разсылалъ по Россіи новыя грамоты съ приглашеніемъ принести благодарственныя молитвы Богу за прекращеніе смуты ²⁾). Въмѣстѣ съ ослабленіемъ этой государственной смуты должно было ослабѣть и опасеніе на счетъ еерапонтовскаго заключенника; представлялась возможность облегчить его положеніе. Въ Москвѣ признали нужнымъ перемѣнить пристава Паумова; 12 мая объявленъ указъ стольнику князю Самойлу Никитичу Шайсунову ѣхать на эту смѣну; черезъ мѣсяцъ Шайсуновъ прибылъ въ Еерапонтовъ монастырь съ новыми стрѣльцами и 15 іюня вступилъ въ отиравленіе своей должности.

Первыя бесѣды патріарха Никона съ новымъ приставомъ вращались главнымъ образомъ около одного вопроса, продолжавшаго тогда занимать общественное вниманіе, вопроса о сношеніяхъ Никона съ донскими казаками; новаго здѣсь ничего и теперь не открыто, и Никонъ прямо свидѣтельствовалъ, что онъ „на воровскую прелесть казаковъ не поддался, во всемъ имъ отказалъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобы они принесли государю свою повинную, и они пропали невѣдомо куда“ ³⁾). Полгода жизнь Никона текла по прежнему; онъ держался въ строгомъ заключеніи и къ нему не допускали никого изъ постороннихъ. Никонъ жаловался Шайсунову на тягость своего заключенія, просилъ писать о томъ государю; Шайсуновъ доносилъ о томъ въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ, просилъ себѣ инструкцій; отвѣта ему не было. Тогда Никонъ рѣшился самъ обратиться съ просьбою къ государю и 25 декабря 1671 года отправилъ своего келейнаго старца іе-

¹⁾ Поблагодаривъ за присылку Иларіона Лопухина съ товарищами, Никонъ прибавляетъ: «Дай вамъ, государемъ, такихъ добрыхъ людей много добра вамъ желающихъ, а не дай Господи Ивана Образцова, Андрея Верягана и Юрія Лутохина». (Дѣло въ госуд. архивѣ).

²⁾ Акт. археогр. экспед. IV № 183 и 185.

³⁾ Ист. Соловьева XI, 335—336.

«Христ. Чтен.», № 1—2, 188 г.

родіакона Мардарія съ замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ, подробно описавъ свои прежнія отношенія къ государю со времени возведенія своего на патриаршество до ссылки въ Терапонтово, просилъ у государя ради праздника рождества Христова полного прощенія во всѣхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему въ прежнее время; затѣмъ Никоиъ дѣлаетъ описаніе жизни своей въ Терапонтовѣ и въ концѣ письма умоляетъ государя объ облегченіи своей участи. Приводимъ ту часть этого письма, въ которой онъ описываетъ свое заключеніе; это описаніе дополнить изложенныя доселѣ свѣденія о жизни его при приставѣ Наумовѣ. „Ради моихъ винъ отверженъ я въ Терапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ—тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ; стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части заборныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцѣнжалъ, руки болны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣлѣма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и они не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; ноги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править; а ночь у меня одинъ и тотъ слѣбъ, говорить по книгамъ не видѣть; приставы ничево ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ... До тебя это дошло, и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ освободилъ насъ, но Степану никакого наказанія не учинилъ, какъ было велѣно, только въ хлѣбенной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ немного спустя началъ мучить меня цѣлое прѣжняго: служба мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! а если выглянетъ въ окно, съ шумомъ говоритъ: „я въ монастыри писалъ, чтобъ пристали запасное, по они не слушаютъ, а у меня приказа нѣтъ, чтобъ на нихъ править, пора прихота

оставить, ѣшь, что дадутъ“!). Когда къ Степану вѣсть пришла, что сына твоего, царевича Алексѣя, не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: „нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говорить: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ“. А теперь князь Самойло Шайсуновъ дѣлаетъ все по Степанову жъ. Прошу тебя: ослаби ми жало, да почию прежде даже не отыду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего“¹⁾).

Письмо это произвело сильное и благотворное вліяніе на государя. Вскорѣ настаетъ большая переѣвна для Никона и самая лучшая пора жизни его въ заключеніи, продолжавшаяся до лѣта 1674 года, хотя царь Алексѣй Михайловичъ до самой своей смерти охотно выслушивалъ его просьбы и готовъ былъ исполнять почти всё, невѣдко прихотливья, его желанія.

Сряду по полученіи письма отъ Никона государь отправляетъ къ нему стрѣлецкаго голову Иларіона Лопухина и подъячаго приказа тайныхъ дѣлъ Артемія Степанова съ своею государевою милостынею—деньгами, шубами и рыбою. 18 января 1672 года посланные прибыли къ Никону и по данному имъ наказу сначала привѣтствовали Никона „святѣмъ и великимъ отцемъ“, вручили ему царскіе подарки и затѣмъ держали предъ нимъ длинную рѣчь, въ которой отъ царскаго имени давали ему отвѣтъ на послѣднее его письмо государю. Рѣчь царскихъ пословъ и послѣдовавшее за нею объясненіе Никона весьма замѣчательны для характеристики установившихся теперь добрыхъ отношеній между царемъ и опальнымъ патріархомъ и для уясненія желаній и дальнѣшей судьбы Никона. Царскіе послы говорили Никону: „Со времени удаленія твоего съ патріаршаго престола до суда надъ тобою восточныхъ патріарховъ государь всегда желалъ съ тобою примиренія, но этого не учинилось, потому что ты хотѣлъ совершить въ государ-

¹⁾ Это письмо п. Никона въ цѣломъ видѣ явлено въ Исторія Соловьева (т. XI 336—339).

ствѣ новое дѣло вопреки обычаю вселенскихъ патріарховъ, оставившихъ свои престолы. Теперь же, послѣ письма твоего, государь болѣе прежняго хочетъ уничтожить всякую вражду съ тобою, охотно желаетъ примириться съ тобою во всемъ и самъ у тебя просить прощенія. Пославъ ты въ Оерапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженья, а не для угѣшенія; если приставъ Наумовъ дѣлалъ тебѣ какое-либо притѣсненіе, то онъ дѣлалъ это самовольно, а не по указу государя, и о томъ теперь велѣно разслѣдовать. Родіонъ Матвѣевъ, посланный къ тебѣ съ дарами послѣ смерти царицы Марьи Ильиничны, былъ допрошенъ и съ клятвою извѣщалъ, что онъ настойчиво убѣждалъ тебя принять подарки и пожинать царицу и никакихъ другихъ словъ и обѣщаній, описанныхъ тобою въ письмѣ, не говорилъ и не давалъ. Ты говорилъ приставу Шайсунову о приходѣ къ тебѣ при Наумовѣ денскихъ казаковъ; объяви, кто на Вологдѣ хотѣлъ начать кровопролитіе; ты это знаешь, воръ Ильюшка шелъ изъ Гадича отъ тѣхъ мѣстъ недалеко; да и воръ Стевка Разинъ въ распросѣ на пыткахъ и съ огня показалъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ старецъ отъ тебя и приглашалъ его идти вверхъ Волгой, а ты съ своей стороны пойдешь къ нему, потому что тебѣ тошно отъ бояръ, они переводятъ государевы сѣмена; и что у тебя есть на готовѣ для того на Бѣлоозерѣ 5,000 человекъ; старецъ тотъ и на бою былъ, и въ глазахъ Разина закололъ своими руками боярскаго сына и потомъ ушелъ изъ подъ Симбирска. Все пророчества о смутѣ, какія ты передавалъ Шайсунову, какъ Божіе тебѣ извѣщеніе, узнавалъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали; нужно думать, что и смятеніе и кровопролитіе произошли отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ дѣлать добро по заповѣдямъ Христовымъ, то ты объ такомъ великомъ дѣлѣ не скрылъ бы и тѣхъ воровъ-казаковъ, приходившихъ къ тебѣ, велѣлъ бы схватить и представить къ государю; а трехъ людей можно было тебѣ поймать, государевы слу-

жилие люди безпрестанно при тебѣ для береженья были. О всемъ этомъ объяви теперь подлинно; а то просишь у государя всякой милости и прощенья, а самъ ему правды не объявишь*. На всѣ эти слова и замѣчанія патріархъ Николѣ отвѣчалъ по пунктамъ слѣдующее. Прежде всего онъ благодарилъ государя за оказавшую ему милость и съ своей стороны заявлялъ: „Всякое враждотвореніе онъ разрушить и прощенія отъ великаго государя желаетъ, и прежде сего онъ писалъ государю прощеніе отъ всего своего усердія и нынѣ Богъ простить его, великаго государя, во всемъ; и чтобъ онъ великій государь милость къ нему простеръ, какъ онъ, государь, обѣщалъ, а навѣсташъ ложнымъ, что клеветали на него Романъ Боборыкинъ и иные, не вѣрилъ“. Далѣе Николѣ отвѣчалъ на сдѣланныя ему запросы: „Что я оставилъ свой престолъ и опять на него возвращался, это дѣло не новое, и прежде вселенскіе патріархи оставляли свои престолы и назадъ возвращались. Прежняго своего сана я не ищу, ищу только милости у государя и кромѣ основанныхъ мною монастырей ничѣмъ не владѣлъ. Соборъ судившихъ меня патріарховъ Паисія и Макарія я ставлю ни во что, потому что патріархи ушли съ своихъ престоловъ и на ихъ мѣста поставлены другіе; я повинуюсь константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ патріархамъ, занимающимъ свои престолы. Что при Степанѣ Намумовѣ и присланныхъ отъ государя я говорилъ много разъ досадительно и самому государю такъ писалъ, въ этомъ прошу милости и прощенія; а что великій государь за эти многія досадительныя слова мои не мстилъ мнѣ, за то онъ получить великую награду отъ Бога. Денегъ у Стрѣшнева я не принялъ потому, что государь меня укорялъ на соборѣ и говорилъ, будто бы я за 100 рублей снялъ со Стрѣшнева прежде наложенное на него запрещеніе; а я простилъ его по его челобитью, а деньги онъ прислалъ вкладомъ въ Воскресенскій монастырь полтора года послѣ прощенія. О смутѣ на Вологдѣ и о Разинѣ я ничего не знаю; три казака, приходившіе ко мнѣ передавали только о томъ, что по указу государя они посланы на Невль, велѣно устроить ихъ землями,

но они жить такъ и пахать землю по привыкли, государева жалованья и корму имъ не было, и они теперь идутъ искать себѣ воли; Наумову о нихъ я не донесъ потому, что они сказывали про свое многолюдство; я боялся, чтобъ смуты не учинить, а оборониться отъ нихъ было некъмъ; государю же о нихъ я тогда писалъ и архимандриту Иосифу передавалъ. Родіону Стрѣшнову я не говорилъ прямо про смерть царевича и смуту, а говорилъ, что по смерти царицы будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ ней еще хуже будетъ, такъ открыто мнѣ отъ Господа Бога; а я говорилъ эти слова сердито, досаждая государю; князю же Самуилу Шайсунову говорилъ о смерти царевича и смутѣ отъ казаковъ уже прямо, потому что это уже совершилось на дѣлѣ“. Въ заключеніе Никонъ обратился къ посланнымъ царскимъ съ просьбою объ облегченіи его участи; указалъ сначала на трудности своего заключенія и продолжалъ: „Во всемъ я положился на волю великаго государя, а въ Отрапонтовомъ монастырѣ жить ему страшно, ибо монастырь не огороженъ, и въ нищѣ и въ служебникахъ ему скудость; и монастырю отъ него и отъ дворянъ и стрѣльцевъ тщета великая, и въ хлѣбѣ недородъ и скудость, братію и трудниковъ и стрѣльцевъ кормятъ овсянымъ хлѣбомъ, и того на долго не будетъ; изъ Кириллова монастыря присылаютъ ему малую часть, ибо и тамъ скудость въ хлѣбѣ. Когда его Степанъ Наумовъ заключилъ въ келью, то прежніе его старцы и келейники разошлись всѣ врознь, а иныхъ выслали, а вновь никого и близко не пропускаютъ. И чтобы государь его пожаловалъ, велѣлъ ему быть въ Воскресенскомъ монастырѣ; а буде почему либо государь быть ему въ томъ монастырѣ не укажетъ, онъ указалъ бы ему быть въ другихъ монастыряхъ его строевья, лучше въ Иверскомъ, такъ какъ этотъ монастырь не скуденъ и въ немъ ему можно прожить безъ всякой нужды; а Крестный монастырь его строевья скуденъ, крестьянъ немного и стрѣлецкаго хлѣба платить имъ не въ мочъ, ибо на нихъ и безъ того наложено тягло большое—на дворъ по выти“. Еще просилъ Никонъ, чтобы государь указалъ быть при немъ че-

ловѣку, кому онъ государь вѣрить, чтобъ надъ нимъ всякаго дурна смотрѣлъ; а худого у него, Никона, никакого намѣренія нѣтъ; да и лѣта его немалыя и постигло его увѣчье, а призрѣть его стало некому*. На заявленіе пословъ, что государь указалъ освободить племянника его и иныхъ людей, которые изъ-за него держаны въ заключеніи, Никонъ благодарить государя за это и просить, чтобъ государь пожалозалъ, простилъ и всѣхъ сосланныхъ изъ-за него по разнымъ мѣстамъ въ заключеніе и при этомъ перечислилъ имена всѣхъ своихъ сторонниковъ сосланныхъ: „буде Аванасій митрополитъ иконійскій и священникъ Сысой и Никита Зюзинъ, да крестникъ его Діонисій Нѣмчинъ, который посланъ въ Казань, да пѣвчій Савва, да поварь его Савка, посланные въ Сибирь, изъ ссылки не освобождены, то великій государь указалъ бы имъ милость, какъ ему Богъ извѣститъ“¹⁾). Выслушавъ эти заявленія и просьбы патріарха, Лопухинъ и Степановъ общали ему донести о томъ государю; а съ своей стороны сдѣлали словесныя распоряженія къ облегченію участи патріарха: для улучшенія содержанія его, они велѣли ему брать запасы, нужные для келейнаго его обихода, не только съ Кирилловскаго, но и съ другихъ бѣлозерскихъ монастырей—съ Троицкаго на устьѣ рѣки Шексы, Новозерскаго, и въ прибавку къ нимъ съ двухъ вологодскихъ—Спасокаменнаго и Прилуцкаго; на содержаніе приставленной къ Никону стражи велѣли выдавать изъ Кирилловскаго монастыря опредѣленные хлѣбные запасы по мѣсячно и съѣстные запасы по запросу. Приставу Шайсупову приказано не дѣлать патріарху Никону никакого стѣсненія и открыть ему свободный выходъ изъ кельи, такъ какъ это стѣсненіе и заключеніе въ кельѣ при Намовѣ было безъ царскаго повелѣнія.

Проходитъ мѣсяцъ послѣ этой присылки Лопухина и Степанова; Никонъ и приставъ Шайсуповъ обадежены были скорою присылкою отъ государя письменныхъ указовъ объ облегченіи уча-

¹⁾ Ист. Соловьева т. XI 339 - 341 в выписка изъ донесенія Лопухина, представленная государю 11 іюня 1672, въ госуд. архивѣ.

сти заключенныхъ, но указовъ этихъ долго не присылали. Кончина патріарха Іоасафа II (17 февраля 1672 г.) и наступившіе затѣмъ переговоры о выборѣ ему преемника отвлекали вниманіе правительства отъ исполненія данныхъ Никону обѣщаній; а недоброжелатели Никона намѣренно препятствовали облегченію его участи. Тогда Никонъ рѣшился снова напомнить о себѣ государю: и въ началѣ марта отправилъ ему собственноручное письмо, въ которомъ также, какъ и въ письмѣ отъ 25 декабря 1671 г., описывалъ свое заключеніе при Степанѣ Наумовѣ, особенно настойчиво указывалъ на отсутствіе точныхъ письменныхъ инструкцій приставамъ, которыя могли бы сдерживать ихъ своеволіе и насилія, просилъ себѣ милости у государя — присылки людей для услуженія, дачи имъ содержанія, а себѣ и той милостыни для помина души покойной царицы, какую онъ прежде не принималъ отъ Иродіона Стрѣшнева ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ это неизвестное въ печати письмо, интересное и по своему спокойному тону и по указаніямъ на многіе частные факты изъ жизни патріарха Никона. «Великому Государю Алексію Михайловичу богомолецъ вашъ государевъ смиренный Никонъ патріархъ о вашемъ государевомъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи Бога молю. Въ прошломъ государь въ 175 году сосланъ я, богомолецъ вашъ, въ Ферапонтовъ монастырь нагъ и босъ и людей мнѣ богомольцу вашему никакихъ обиходныхъ не вѣсно имать, только со мною повъжало два человѣка черныхъ поповъ, да два дьякона, да чернецъ Флавіанъ; и поны и дьяконы побывъ со мною въ Ферапонтовомъ монастырѣ по наговору Степана Наумова не захотѣли жить и изъ кельи вышли, а остался со мною одинъ чернецъ Флавіанъ, и нѣсколько тотъ чернецъ пожилъ и посланъ въ тебѣ великому государю съ моимъ письмомъ; и тотъ чернецъ ко мнѣ и не бывалъ; а въ тожь время пришелъ ко мнѣ поць Варлаамъ, да черный дьяконъ Мардарій; и нѣсколько поживъ Мардарій дьяконъ отпушонъ къ тебѣ великому государю съ моимъ письмомъ; и тотъ дьяконъ ко мнѣ не бывалъ же, а со мною остался одинъ черной поць Варлаамъ, а тотъ поць слѣвъ; и по се число я богомолецъ на себя и на поца хлѣбы пекъ и варилъ самъ, а нынѣ я богомолецъ вашъ отъ многія злобы немилостиваго пристава Степана Наумова спиврхся до конца; а се за грѣхи мои рука лѣвая боль настала и дѣйствовать нѣсколько не можетъ, пристроити пати и яти и принести нѣкому; а онъ Степанъ говаривалъ многожды, что мнѣ перемѣны не будетъ, покаместа Никонъ не умретъ, невѣдомо для какова умыслу; а прежде съ пріѣзду я его Степана спрашивалъ, какъ ему Степану указано меня держать; и онъ Степанъ говорилъ, что де у меня наказу на письмѣ нѣтъ, а весь-де у меня наказъ

Письмо это было доложено государю 21 числа марта; и въ тотъ же день отправленъ указъ государя на имя пристава Шайсунова: „Вѣдомо намъ учинилось, что у Никона монаха священникъ его Варлаамъ боленъ и слѣпъ, и служебниковъ у него для на языкъ; я я ему, Степану, говорилъ, да неужто тебѣ приказъ есть, что мени уморить; и овъ, Степанъ, до чово-де дойдешь, не пощажу-де; и въ первомъ году мало не уморилъ, аще не бы твоя великаго государя милость предварила съ Иваномъ Образцовымъ. А послѣ Ивана Образцова нѣсколько снуетя по первому своему обычаю ялся, почалъ всякою нуждею нудать голодомъ и холодомъ, о чомъ ни пошлю ково, и онъ Степанъ къ себѣ не пустилъ; а коли и выглянетъ въ окно и на нашего посланника кричить, вопить и матерны лагть, и бить хочеть и ходить къ себѣ не велить; а говорить: полно-де, прихотей тѣхъ пора-де попявуть; ѣшь-де, что дадутъ; а мнѣ не даютъ ничево; и тѣ посланные отъ насъ приходятъ отъ него плачучи и впредь ходить къ нему Степану для нашихъ нуждъ не хотятъ; а у насъ ни хлѣба, ни соли, ни дровъ во многія времена не было. А въ нынѣшнемъ государь въ 180 году (sic) умысла онъ Степанъ затворилъ онъ со мною и работниковъ въ келью невѣдомо для чего, и изъ кельи ходить никому нигуда не велѣлъ; да которой былъ слухка давъ на посылку, и тому слухкѣ въ келью не велѣлъ ходить; а караулы поставилъ крѣпкіе около монастыря многіе и вдала отъ монастыря верстѣ на пять и на шесть и на семь и больше, и тѣ караулы были, пока перемѣна ему Степану пришла. А какъ перемѣнилъ Степана князь Самойло Шайсуновъ и перемѣнивъ росписываючися спрашивалъ у Степана Наумова по твоей государевой грамотѣ наказъ, почему ему князю Самойлу вдатъ и почему ему князю Самойлу караулы ставить, потому что ему князю Самойлу велѣно по твоей государевой грамотѣ у Степана наказъ взять, и онъ Степанъ у себя наказу твоего государева не сказалъ; а сказалъ, что караулъ-де онъ ставилъ крѣпкой потому, что писалъ ему Степану сынъ его Иванъ съ Москвы, что-де, батюшко, призывалъ его Ивана ты; великій государь, и говорилъ-де ему ты, великій государь, чтобъ онъ Иванъ отписалъ ко отцу своему Степану, чтобъ поставилъ около кельи, гдѣ я посаженъ, караулъ крѣпкой, и я-де потому и караулъ крѣпкой держалъ. Да онъ-же-де Степанъ ему князю Самойлу и грамотку сына своего казалъ, и онъ-де князь Самойло и грамотку чель, и о томъ-де онъ князь Самойло къ тебѣ великому государю писалъ о всемъ въ разрядъ. А я богомолецъ вашъ за тѣ его Степановы караулы одва со всякіи нужды не умеръ, а съ тѣхъ мѣсть одынявалъ и одряхлялъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать; а священникъ слѣпъ, я же около его ходилъ. Милостивый великій государь, буди подражатель щедрому своему Богу и Отцу, якоже и Господь нашъ Иисусъ Христосъ училъ: будите, рѣче, щедри, якоже и Отецъ вашъ небесный щедръ есть; буди милостивъ, якоже пишется: блаженіи милостивіи, яко тѣи помилуваны будутъ; Божіе сіе есть слово и не изнеможеть, дондеже небо и земли мимо идетъ и іота една или една черта не пройдетъ отъ закона, дондеже вси будутъ. Сотвори Господа ради, великій государь, со

подачи питья и яствы нѣтъ; и какъ къ тебѣ сія ваша грамота придетъ и тебѣ дать Никону для службы изъ тутюшнихъ работныхъ людей человекъ двухъ или трехъ, чтобъ у него въ томъ никогда скудости не было“. Получивъ этотъ указъ, Шайсуновъ объявлялъ его Никону и объ отвѣтъ его сряду же доносилъ государю: „Грамота твоя прислана 27 марта и я того же дня къ монаху Никону ходилъ и твой указъ сказывалъ; а въ Оерапютовомъ монастырѣ черный попъ одинъ; и монахъ Никонъ мнѣ говорилъ: что де ему черные попъ или дьяконъ не его постриженники пенадобны и въ келью къ себѣ ихъ не возметъ; а для всякой работы и послуженія тутюшнимъ работникамъ быть у него не мочно, потому что, государь, отъ тутюшнихъ людей въ кельѣ у него въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропаша, и вѣрить здѣшнимъ людямъ будучи у него въ кельѣ не мочно; а розыскивать про такія дѣла кромя крови нечѣмъ; а ему де, государь, такіе розыски и пенадобны; а хлѣбъ печь и яствы варить и питье строить про него здѣшнимъ людямъ некому, а хлѣбъ по нуждѣ печеть и яствы варить онъ монахъ Никонъ про себя самъ; и чтобъ де ты, великій государь, пожаловалъ монаха Никона, велѣлъ у него быть священнику и дьякону его постриженникамъ, а для всякой службы — ево же людямъ, которые у

мною милость, (вели) служащимъ единому или двумъ послужити нужнымъ нашимъ потребамъ, кто-бъ принесъ пити и ясти, да чѣмъ и янъ сытымъ и одѣтымъ быть; а азъ же вѣло взнемогъ отъ многихъ скорбей моихъ, некому ясти сварить; а здѣсь таковыхъ людей нѣтъ; конъ данные и бывають, и тѣ хотять ваять, а такъ не хотять ничево дѣлать; да сказывають, что не умѣють. А что твоя великаго государя милостыня прислана съ Даріономъ Допухивымъ, и то все извошло, потому долженъ былъ многимъ, а яное олхониствовааннымъ и раворенымъ отъ Степана Наумова, съ жѣмъ подѣлился. Аще не тяжело тебѣ, великому государю, что милость твоя была съ Родіономъ Матесевичемъ прислана, пришли нынѣ Господа ради въ память великія государыни царицы Маріи Ильиничны, а азъ вашъ государевъ богомолецъ долженъ о вашемъ государеве многолѣтномъ здравіи и о душевномъ спасеніи и о благоудіи Господа ради Бога молить; да и церковныхъ людей, съ кѣмъ бы держовный обиходъ исправлять; а я нынѣ одинъ не могу исправлять. Господа ради милостивъ буди“. (Госуд. архивъ).

него были прежде въ Воскресенскомъ монастырѣ; а нынѣ, государь, дѣти боярскіе ево и поваренные и всякихъ чиновъ люди изъ Воскресенскаго монастыря много живутъ на Москвѣ по разнымъ мѣстамъ. Да онъ же, Никонъ, говорилъ мнѣ, что онъ къ церкви не ходитъ четвертый годъ, а когда онъ и ходилъ, и то за карауломъ; когда отъ тебя пріѣзжали къ нему голова московскихъ стрѣльцовъ Иларіонъ Донухия, да приказу тайныхъ дѣлъ подъячей Артемій Степановъ и онъ де монахъ Никонъ имъ о томъ и объ иныхъ своихъ нуждахъ велѣлъ у тебя великаго государя милости просить*. Донесеніе Шайсунова получено въ Москвѣ 3 апрѣля; а 13 числа того же мѣсяца государь отправилъ къ нему страпачаго конюха Степана Веригина съ приказомъ спросить Никона, какихъ лицъ изъ своихъ прежнихъ постриженниковъ онъ желаетъ имѣть у себя попомъ и дьякономъ и какихъ работниковъ изъ Воскресенскаго монастыря онъ желаетъ имѣть у себя, чтобы онъ сказалъ ихъ имена. Отвѣтитъ прямо на эти вопросы патриархъ Никонъ считалъ для себя неудобнымъ. По этому поводу Шайсуновъ доносилъ государю: „22 числа апрѣля грамоту я получилъ и того же числа сообщилъ о ней Никону, и Никонъ мнѣ сказалъ, что теперь онъ не знаетъ поповъ и дьяконовъ своего поставленія и работниковъ Воскресенскаго монастыря, кто изъ нихъ находится въ живыхъ: уже шесть лѣтъ прошло послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря, многие оттуда уже разошлись за это время; а хотя бы онъ и зналъ о нихъ, но именъ ихъ указать ему теперь нельзя и въ неволю насильно вводить ихъ онъ не хочетъ, потому что и нынѣ живущій у него черный попъ Варлаамъ скучаетъ отъ великой нужды и хочетъ идти отъ него. Если же государь захочетъ прислать кого либо къ нему изъ Воскресенскаго монастыря, то нужно посылать такихъ по ихъ желанію, а не по принужденію, нужно дать имъ и средства къ пропитанію и свободу ходить и ѣздить, куда захотятъ безъ караула, чтобы они по желанію могли и оставить Никона*. При этомъ Шайсуновъ со словъ патриарха доносилъ государю: „А здѣсь въ Терапонтеномъ мона-

стырѣ мѣсто скудное; и запасы изъ монастырей присылаютъ сюда съ большею скудостію и съ великимъ ропотомъ; присылаютъ изъ монастырей гнилое и затхлое, что имъ самимъ не годно къ употребленію“¹⁾).

Просьбы Никона о личной свободѣ его и келейныхъ его старцевъ наконецъ были уважены. Съ лѣта 1672 года онъ пользуется свободнымъ выходомъ изъ своихъ келій и совершаетъ прогулки по окрестностямъ Терапонтотского монастыря. Въ началѣ іюня онъ требовалъ себѣ изъ Кирилловскаго монастыря присылки „лошади доброй съ ходью, ступистой, не шарахой, не спотытчивой, да сѣдла сафьяннаго съ приборомъ властелинскаго, добраго, на чемъ ему самому ѣздить, и сукна на полный снимальникъ“; когда кирилловскій архимандритъ Никита по этому требованію прислалъ ему лошадь, мерина сѣраго, прозвищемъ „Щеголь“, и сѣдло съ принадлежностями, то Никонъ этой лошади не принялъ, потому что „цвѣтна“, а велѣлъ прислать другую лошадь добрую—карюю, или гнѣдую, или вороную, или бурую изъ-темна, да конюха, который бы умѣлъ „страпать около той лошади“, и присланнаго за тѣмъ мерина вороно-каряго, прозвищемъ „Москва“, принялъ; вскорѣ лошадь эта оказалась нездоровою, ее велѣли переѣздить; но власти Кирилловскаго монастыря писали, что „лучше той лошади нынѣ у нихъ отнюдь никаковы нѣтъ“; въ августѣ того же года снова требовали прислать оттуда „верховую лошадь“ для Никона и другую лошадь съ телѣгой для его келейнаго старца²⁾). Еще при Наумовѣ патріархъ Никонъ ѣздилъ въ пустынь Нила Сорскаго молиться; теперь онъ совершаетъ прогулки пѣшкомъ и на лошади на свои пруды и на дальнія рыбныя ловли; а въ послѣдствіи его обвиняли въ томъ, что онъ ѣздилъ въ гости къ разнымъ лицамъ и приставу Шайсупову; всѣ эти поѣздки совершались съ вѣдома

¹⁾ Последнее донесеніе. Шайсупова прислано съ Веригинимъ въ Москву 11 мая и государю подвешено столъникомъ Иваномъ Голехвастовымъ. (Госуд. архивъ).

²⁾ Чтен. общ. яст. стр. 136, 157—158, 160, 161

пристава въ сопровожденіи сотника и стрѣльцовъ. Число келейныхъ старцевъ и слугъ у Никона теперь тоже умножилось. Шайсуновъ, прибывъ въ Терапонтовъ монастырь, засталъ у него одного чернаго цона Варлаама, еще терапонтовскаго служку, дьячка и трехъ рабочихъ людей; лѣтомъ 1672 года у него было кромѣ Варлаама уже 4 старца; въ апрѣлѣ 1673 г. съ нимъ въ кельяхъ жили священникъ, дьяконъ, старецъ, нищій, двое служекъ, два повара и семь человекъ рыбныхъ ловцовъ и работниковъ. Въ юнѣ 1674 г. кромѣ старцевъ у него было уже 22 человекъ рабочихъ и служекъ. Помѣщеніе его состояло изъ новой кельи, построенной послѣ пріѣзда Ивана Образцова близъ прежней больничной кельи и братской трапезной; въ этой новой кельѣ у него была устроена своя трапезная, въ которой онъ отправлялъ съ своими старцами келейное правило и суточное богослуженіе; для литургіи же по праздникамъ онъ ходилъ подъ карауломъ въ отведенную для него надворотную Богоявленскую церковь.

Съ облегченіемъ его участи опять стали приходять и пріѣзжать къ нему постороннія лица съ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ то за благословеніемъ, совѣтами и наставленіями, то для того, чтобы повѣстить его и помочь ему въ его жизни, то за милостынею и помощью въ разныхъ бѣдѣзняхъ. Обширная благотворительность патріарха, выражавшаяся прежде во времена его могущества въ разнообразныхъ видахъ матеріальной помощи бѣднымъ и нуждающимся людямъ, со времени его заключенія въ Терапонтовскомъ монастырѣ хотя сократилась въ своемъ объемѣ, но не уничтожилась, онъ и теперь раздавалъ много денегъ бѣднымъ; благотворительность его теперь получаетъ особенное замѣчательное направленіе: онъ начинаетъ лѣчить болящихъ, читаетъ надъ ними молитвы, мажетъ ихъ освященнымъ масломъ, даетъ имъ разныя лѣкарства, и больные получаютъ выздоровленіе. Помощь его больнымъ дѣлается извѣстною въ народѣ, закрѣпляетъ за нимъ славу добраго дѣлителя и привлекаетъ къ нему массы больныхъ съ дальнихъ мѣстъ; бывали дни, когда предъ кельями его собиралось больныхъ изъ окрестныхъ во-

лостей мужчинъ и женщинъ челоѣкъ по сорока и болѣе за одинъ разъ ¹⁾).

Естественно съ предоставленіемъ болѣе свободы заключенному патріарху, съ приходомъ къ нему новыхъ лицъ увеличивались его потребности и запросы. Главный вопросъ заключался въ прочномъ обезпеченіи внѣшней, матеріальной его обстановки. Содержаніе патріарха Никона, его старцевъ, прислужниковъ и приставленной къ нему стражи возложено было на сосѣдніе сѣверные монастыри. Последніе же тяготились этою возложенною на нихъ повинностію; годъ отъ года возрастающая повсюду дороговизна жизненныхъ продуктовъ давала себя чувствовать и на сѣверѣ, а увеличивавшіеся постепенно запросы на содержаніе Никона еще болѣе ставили эти монастыри въ трудное положеніе. Вслѣдствіе этого въ жизни патріарха Никона съ того же 1672 года, вмѣстѣ съ облегченіемъ его свободы, настаютъ усиленныя просьбы объ обезпеченіи своего содержанія и жалобы на недоставку его монастырями.

24 мая 1672 г. патріархъ Никонъ прислалъ приставу Шайсунову письмо за своею печатью для отправки его государю; въ немъ онъ писалъ: „Присланные тобою ко мнѣ 18 генваря нынѣшняго года стрѣлецкій голова Иларіонъ Лолухинъ и подьячій Артемій Степановъ сказывали мнѣ твою государеву милость, что ты велѣлъ брать всякой запасъ про нашъ обиходъ съ монастырей Кириллова, Троицкаго, Невоезерскаго, да въ прибавку къ нимъ и съ монастырей вологодскихъ—Каменнаго и Прилудскаго; но съ монастырей этихъ прислано запасовъ не много; по новой моей просьбѣ о томъ къ Шайсунову—къ выпѣшней Пасхѣ мнѣ прислали изъ Кириллова монастыря 13 гривенокъ масла, 200 яиць сырыхъ, 100 яиць красныхъ, сметаны только съ братскую братину, и не много хлѣбныхъ запасовъ; а съ другихъ монастырей къ Пасхѣ ничего не прислали. Приставъ Шайсуновъ объявилъ мнѣ, что эти монастыри отказываются прислать и впредь. А жизнь въ Тераповтовомъ монастырѣ скудная; вотчинка за нимъ не большая, и крестьяншки

¹⁾ Чтен. общ. ист. и древн. 132, 145.

обнищали до конца; а рыбенка когда и уловится на братію, и то мелкая самая худая, ершишка да сорожка; а что съ весны я самъ собою добылъ рыби въ Шекснѣ, она въ саду вся померла. Здѣсь мѣсто пустое, отъ городовъ далеко и съ деньгами купить нельзя. А которая рыба на Бѣлоозерѣ и въ Шекснѣ покрупнѣе — осетры и стерляди въ уловѣ, той рыбы по твоему крѣпкому указу продать никто не смѣетъ, и по городамъ запасовъ ея и товаровъ продать на мое имя никто также не смѣетъ; потому что у кого было куплено, тѣмъ приставъ Наумовъ учинилъ великіе убытки. Да Лопухинъ и Степановъ сказали мнѣ на словахъ, что ты, великій государь, пожаловалъ нашихъ старцевъ и мирскихъ людей — велѣлъ освободить изъ-за приставовъ и изъ ссылокъ; а то, освобождены ли они, и по сіе число мнѣ невѣдомо. И ты, государь, учини свой о всемъ томъ милостивый указъ, да будетъ правда твоя правда во вѣкъ и слово твое истинно и милость твоя въ родъ и родъ. Царь государь, смилуйся“¹⁾).

Приставъ Шайсуповъ въ донесеніи къ государю, отправленномъ вѣстѣ съ этимъ письмомъ Никона, съ своей стороны сообщалъ: „Отъ Лопухина и Степанова я получилъ твой государевъ указъ о присылкѣ запасовъ монаху Никону изъ вологодскихъ монастырей, но отсюда прислали запасъ скудной не противъ запросу и нынѣ 15 марта писалъ ко мнѣ прилуцкій архимандритъ Исаія и келарь старецъ Сильвестръ съ братією, что у нихъ скудость большая и посылать нечего; а Каменнаго монастыря архимандритъ Давидъ съ братією писали, что имъ не было извѣстія о посылкѣ Никону запасовъ; изъ бѣлозерскихъ монастырей прислали не много²⁾); а людямъ, посланнымъ отъ Никона въ вологодскіе предѣлы для сбора и закупки запасовъ, Каменнаго монастыря архимандритъ Да-

¹⁾ Письмо Никона не собственноручное въ госуд. архивѣ.

²⁾ Въ приходорасходныхъ записяхъ няикитскаго бѣлозерскаго монастыря значится: 5 января 1672 г. куплено 20 окуней, да изъ, дано 3 алт. 2 денги, и поднесена та рыба Никону монаху, да ему же послано на свѣчи и бумагу 3 алт. 2 д. Особо тогда же посланы пристава Шайсупову туша баранья, да пять языковъ говяжьихъ цѣлою 7 алт. 2 д.» (Чтен. общ. ист. 167—168).

ніпль явился непослушенъ и въ подводахъ имъ отказалъ и про старца Никона говорилъ непригожія слова, будто у него мѣра воровская, а не прямая; а у старца Никона, государь, мѣра прямая московская таможенная, прислана изъ Кириллова монастыря за печатью. И я отписки изъ Прилудскаго и Каменнаго монастыря и представленную мнѣ добѣжую память чернаго пона Варлаама, посланнаго Никономъ для сбора, посылаю тебѣ, великому государю, и ты какой о томъ указъ учпиши“¹⁾). Такимъ образомъ, тягость содержанія патріарха Никона со старцами и пристава съ стрѣльцами по прежнему лежала больше всего на Кириллобѣззерскомъ монастырѣ, отсюда посылаются въ Өерапонтовъ монастырь всѣ хлѣбныя запасы—мука, солодъ, хмѣль, рыба, мясо, колейныя запасы, сукно для одежды, сапоги, свѣчи салныя и восковыя, богослужебныя книги, припасы и люди для скотнаго двора, лошади, коровы, портные, рыболовы, рыболовныя принадлежности; нѣкоторые предметы патріархъ покупаетъ здѣсь на свои деньги; многое присылается ему въ подарокъ къ празднакамъ, Петрову дню, ко дню преподобнаго Кирилла Бѣззерскаго. Но всѣ эти присылки не могли всегда удовлетворять потребностямъ Өерапонтовскихъ жителей особенно при увеличеніи старцевъ и служекъ Никона; кирилловскія власти тяготѣлись новыми запросами и стали на нѣкоторые изъ нихъ отказывать. Однажды на требованіе прислать для Никона „муки ржаные бѣлые, а рожь велѣтъ молотъ отолокши съ водою“, они отвѣчали, что у нихъ въ монастырѣ „ржи съ водою столкивать не умѣютъ“; на другое требованіе прислать 10 плотниковъ для постройки скотнаго двора, да 10 человекъ съ под-

¹⁾ Въ госуд. архивѣ; тутъ же при двѣхъ и отписки изъ монастырей и завѣзанія старца Варлаама. Всѣ эти бумаги получены въ Москвѣ 11 іюня 1672 г. Въ отпискѣ Прилудскаго монастыря говорится, что уже дважды были посланы Никону запасы, а вынѣ послать нечего, потому что на монастырѣ значится долгу болѣе 1000 рублей, а хлѣбовъ очень скудны, и запасной хлѣбъ взятъ къ Москвѣ на государя. Въ отпискѣ изъ Каменнаго монастыря говорится, что государева указа о дачѣ запасовъ Никону у нихъ не было и безъ указа посылать не смѣютъ.

водами для возки бревенъ на дворовое строенье, они отвѣчали Шайсунову отказомъ и заявляли: „нынѣ (въ концѣ августа) время крестьяномъ работное, рожь къ переду сѣють и хлѣбъ съ полей убирають, а не дворы строятъ; да и въ указѣ государевомъ не сказано, чтобъ имъ давать въ Оеранонтовъ монастырь на дворовое строенье плотниковъ и людей рабочихъ“. Такіе отказы не нравились и патриарху; прочитавъ одну отписку кирилловскихъ властей о томъ, что у нихъ нѣтъ требуемыхъ осетровъ, красной и бѣлой живой рыбы, онъ не велѣлъ принять посланныхъ ими другихъ запасовъ „для того, что и есть у нихъ, они того не присылають, а что и пришлютъ, то не сполна“¹⁾. Но взаимныя неудовольствія между Никономъ и кирилловскими властями особенно усилились съ конца 1674 года; до тѣхъ же поръ въ жизни Никона выдѣляется особое обширное слѣдственное дѣло о расходахъ Оеранонтовскаго монастыря на его содержаніе. Въ этомъ дѣлѣ обнаружались и ропотъ оеранонтовскихъ властей на поселеніе у нихъ Никона, и злоупотребленія ихъ при выдачѣ ему содержанія, подлоги въ счетахъ и хлѣбныхъ мѣрахъ и разные безпорядки въ управленіи монастырскимъ хозяйствомъ.

Въ августѣ 1672 г. приставъ Шайсуновъ отправилъ въ Москву слѣдующую жалобу на оеранонтовскихъ властей. „Нынѣ по указу великаго государя велѣно мнѣ построить въ монастырѣ приказную келью, гдѣ бы мнѣ жить для обереганья Никона; и я построилъ эту келью, близъ кельи Никона; обѣ отдѣлкѣ оконъ и замковъ въ этой кельи я говорилъ казначею старцу Іову, но онъ оказался непослушенъ и въ томъ мнѣ отказываетъ. Да 6 іюля били челомъ государю, а мнѣ словесно извѣщали оеранонтовскіе служки, что казначей Іовъ не платитъ имъ зажилыхъ денегъ, не даетъ имъ платья и обуви и изъ монастыря ихъ гонитъ, по этому поводу я послалъ стрѣльцкаго сотника Федора Есипова къ игумену Аѳанасію съ жалобами на казначея; но игумень отвѣчалъ,

¹⁾ Чтен. общ. ист. 157—162.

что ему нѣтъ до того дѣла, вѣдаетъ то казначей, и что они сами монахи должны идти вопъ изъ монастыря; на вопросъ сотника, отъ кого имъ идти, игуменъ сказалъ: какъ-де ихъ челобитье къ архіепископу будетъ, тогда и вѣдомо будетъ, а шестой годъ ихъ разоряютъ и имъ отъ того разоренья придется изъ монастыря идти вопъ“. Въ то же время власти еерापонтовскія, ссылаясь на скудость монастыря, отказали Никону въ поставкѣ невода и рабочихъ для ловли рыбы на Бородаевскомъ озерѣ и на Шексиѣ; тогда Никонъ сдѣлалъ свой неводъ на деньги присланныя отъ государя и мелкую рыбу отдавалъ въ монастырскую столовую. Передъ началомъ 1673 г. Никонъ повторилъ свою просьбу о поставкѣ невода отъ монастыря, но игуменъ и братія опять ему въ томъ отказали. 4 февраля патріархъ Никонъ прислалъ Шайсунову жалобу на игумена Аѳанасія: „прѣзжаютъ и приходятъ къ нему (Никону) болящіе, всякими болязнями одержимые, для исцѣленія; и отъ его молитвъ и отъ освященнаго масла помазанья и отъ лекарствъ исцѣленія получаютъ; и тѣмъ болящимъ доведется быть въ кельѣ до исцѣленія безъотходно дни по 2 и по 3 и по 4, и по недѣлѣ. Никонъ просилъ игумена, чтобъ для тѣхъ болящихъ, гдѣ имъ пребывать и ему, Никону, къ нимъ приходитъ, игуменъ очистилъ особую келью, потому что у него, Никона, свои кельи тѣсны и сами де съ нуждою пребываютъ; но игуменъ Аѳанасій въ томъ ему отказалъ“¹⁾. 7 апрѣля патріархъ Никонъ вновь заявилъ ту же просьбу о постройкѣ ему кельи надъ монастырскими воротами; по этому поводу приставъ Шайсуновъ отправилъ государю весьма любопытное донесеніе: „Иныѣ въ 181 (1673) г. апрѣля 7-й день призвалъ меня Никонъ къ себѣ въ келью и просилъ, чтобъ я написалъ тебѣ, великому государю: приспѣло де, государь, время къ его, монаха Никона, древней старости и къ скорбямъ, а кельи его отъ церкви удалены и поставлены внѣ монастыря; а въ соборной церкви Рождества Богородицы служба бываетъ съ

1) Изъ донесенія Шайсунова государю отъ 10 августа 1673 г.

весны и до зимы у игумена Леонасія съ братією, а съ осени и до весны у нихъ бываетъ служба въ транезѣ; а ому, Никону, за стужею и за дализною въ ту соборную церковь и въ то время ходить невозможно, а приходитъ къ соборной службѣ *за ихъ неистравленіемъ* немочно ¹⁾, поютъ не по уставу, а на крылосахъ у нихъ бываютъ робята; а въ монастырѣ надъ св. воротами церкви во имя Богоявленія Господня, а въ придѣлѣ прец. Феорапонта; а въ стѣнѣ подлѣ той церкви на монастырѣ келья, что бывала келарская, ветха небольшая, нынѣ въ той кельѣ живутъ простые старцы. И Никонъ мнѣ говорилъ, чтобъ эту келью сломать, и на этомъ мѣстѣ строить ему у той Богоявленской церкви кельи, чтобъ изъ тѣхъ его келій въ ту церковь былъ ему ходъ для службы литургіи беззазорнѣ. Если ты позволишь эту келью строить, то какими рабочими“ ²⁾. Нельзя сказать, чтобъ патріархъ Никонъ не сознавалъ тягости отъ своего содержанія для Феорапонтскаго монастыря и не заботился объ облегченіи этой тягости; и прежде онъ писалъ государю о бѣдности этого монастыря и облегченіи наложенныхъ на него расходовъ; и теиерь послѣ того, какъ монастырскія власти отказывали ему на его просьбы, онъ ходатайствовалъ предъ государемъ за монастырскія нужды и именно по тому пункту, который былъ для монастыря всего тяжелѣе. Послѣ 15 марта онъ отправилъ государю большое письмо, въ которомъ, указавъ, какъ феорапонтскій игумень два раза отказывалъ въ постановкѣ рыбнаго пеоода, Никонъ продолжаетъ: „Въ прошломъ 180 (1672) году присланъ былъ твой государевъ стольникъ Дмитрій Давидовъ въ Феорапонтвъ монастырь взять подводы для отправки изъ Кириллова монастыря твоего описнаго хлѣба къ тебѣ въ Москву; тогда же я писалъ тебѣ, чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ меня—подъ описной тотъ хлѣбъ съ Феорапонтва монастыря подводъ не бралъ, потому что монастырь этотъ назначенъ

¹⁾ Феорапонтскій игумень Леонасій былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи къ расколу (Чтен. общ. ист. стр. 136. 161. Исторія Соловьева т. XI 342.

²⁾ Это донесеніе Шайсунова получено въ Москвѣ 16 апрѣля 1673 г.

для нашего обиходу и крестьянишка его на монастырскомъ здѣльѣ безпрестанно съ работы не сходятъ, на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ постоянно гонцы гоняютъ и по городамъ для нашихъ покупокъ и по монастырямъ для нашихъ запасовъ на Оерапонтовскихъ подводахъ безпрестанно ѣздить, и для твоей приказной избы и караула и нашихъ келей и пристава и сотникова стоялыхъ дворовъ и стрѣлецкихъ стоялыхъ избъ и монастырскаго обихода берутъ всякія подводы; и тогда же по твоему милосердому разсмотрѣнію прислана твоя грамота къ стольнику Давыдову, чтобы подвездъ съ Оерапонтова не брать. И нынѣ 181 (1673) гола марта 10 прислана твоя грамота изъ стрѣлецкаго приказа на Бѣлоозеро къ воеводѣ Василью Дохтурову, и по этой грамотѣ на служкахъ и крестьянахъ Оерапонтова монастыря велѣно доправить 256 подводъ, а доправя, насыпавъ на тѣ подводы въ Кирилловѣ монастырѣ монастырскій хлѣбъ, описанный на тебя, тотчасъ отпустить ихъ къ Москвѣ; и я говорилъ приставу Шайсунову и просилъ его напомнить воеводѣ Дохтурову объ указѣ задрещавшемъ брать эти подводы. И 15 марта противъ такой отписки Шайсунова воевода Дохтуровъ прислалъ въ Оерапонтовъ монастырь другого пристава съ строгою наказною памятію—взять подводы, а служекъ и крестьянъ ослушныхъ взять въ городъ Бѣлоозеро на правещъ. А по се число въ Оерапонтовомъ монастырѣ къ приказной избѣ, карауламъ, кельямъ и дворамъ и на монастырскаго обихода дрова и лучина не ставлены за твоими и иными недосуги, ибо подводы монастырскія и крестьянскія постоянно въ разсылкахъ, а по монастырямъ для одного дѣла посылаются по дважды, трижды и болѣе; иные монастыри Оерапонтову ни въ чемъ не помогаютъ — и во всемъ ослушны, что и приплють, и то на нашу потребу не годно, ибо многолѣтныя запасы ихъ гнилы и горьки; а присылаютъ, государь, изъ одного Кириллова монастыря безъ ослушанья и то старыя запасы. А изъ вологодскихъ монастырей прислали по твоему указу въ 180 году только однажды и то по оскуду и негодное. И по се число кормлюся я твоимъ жалованьемъ—покупнымъ

хлѣбомъ. А нынѣ въ 181 году посылалъ я для покупокъ и запасовъ на Бѣлоозеро своего чернеца, и воевода Дохтуровъ службу и крестьянина, посланныхъ съ нимъ, извременноичалъ, а посадскіе люди устроили, чтобъ чернецъ ничего не покупалъ и впредь для покупокъ не пріѣзжалъ. Вели, государь, слова дать указъ, чтобъ подводъ съ Оерапонтова монастыря не брать и воеводѣ за подводы на правожѣ оерапонтовскихъ крестьянъ не бить, а чтобъ изъ Кириллова монастыря намъ свободно было брать ржи и хлѣба“¹⁾.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ просьбъ и доносеній въ началѣ апрѣля 1673 г. присланъ былъ въ Оерапонтовъ монастырь государевъ стряпчій Козма Аврамовичъ Лопухинъ. Ему поручено было на мѣстѣ провѣрить нужды патріарха и собрать справки о расходахъ, сдѣланныхъ разными монастырями на нужды патріарха и его приставниковъ. Пріѣздъ его и послужилъ началомъ обширнаго слѣдствія о злоупотребленіяхъ со стороны оерапонтовскихъ властей въ содержаніи патріарха Никона. 8 числа апрѣля оерапонтовскій игумень Аѳанасій вмѣстѣ съ казначеемъ и житничнымъ старцемъ Ювомъ представилъ Лопухину подробныя выписки изъ казенныхъ и записныхъ книгъ о тѣхъ расходахъ, какіе сдѣланы Оерапонтовскимъ монастыремъ на содержаніе патріарха, приставовъ и стрѣльцовъ со времени пріѣзда Никона въ заключеніе, т. е. съ 22 декабря 1666 года по 8 число апрѣля 1673 г.²⁾ Получивъ эти выписки, равно и справки о томъ, что въ разные времена послалось для патріарха Никона, приставовъ и стрѣльцовъ изъ другихъ монастырей, Козма Лопухинъ представилъ эти выписки и справки

¹⁾ Въ госуд. архивѣ.

²⁾ Въ этихъ выпискахъ показано: 1) на патріарха Никона и его службниковъ вышло ржаного и ярого хлѣба 169 четей съ осмяною и полусмяною, печеныхъ хлѣбовъ 2,105 и муки на нихъ 127 четей съ полусмяною; 2) на пристава Наумова ржаного и ярого хлѣба 204 чети съ полчетверкомъ, печеныхъ хлѣбовъ 1,747 и муки на нихъ 96 четей; 3) на пристава Шайсупова ржаного и ярого хлѣба 51 четь съ полусмяною, печеныхъ хлѣбовъ 1000 и муки на нихъ 63 чети съ осмяною; 4) на сотниковъ и стрѣльцовъ съ 22 декабря 1666 года по 21 февраля 1672 г. печеныхъ хлѣбовъ 10,200, а муки на нихъ 596 четей.

въ Москву 16 апрѣля. 22 числа того же мѣсяца эти выписки сдѣлались извѣстными и патриарху Никону, и онъ тогда же заявилъ пристава Шайсупову, что эти выписки ложны, содержатъ прибавку вдвое и втрое больше противъ подлинныхъ приходо-расходныхъ книгъ, находящихся у пристава. Въ маѣ объ этомъ было доложено государю. Въ июнѣ игумень Аванасій, предчувствуя невзгоду, оставилъ игуменство и на его мѣсто коларемъ старцемъ Павлутіемъ и братією былъ избранъ изъ своей среды іеромонахъ тоже Аванасій, которому, при возведеніи въ санъ игумена и пріемѣ монастыря въ управленіе, велѣно было вмѣстѣ съ строителемъ Кирилловскаго монастыря, Исаією, счесть прежняго игумена, казначея и житника, переписать все монастырское имущество и пережбратъ весь находящійся въ житницахъ хлѣбъ. Послѣ этой провѣрки, произведенной 17 іюля, въ паличномъ хлѣбѣ оказался излишекъ противъ вѣдомости житничнаго старца Іова ¹⁾. Всѣ эти обстоятельства дали патриарху Никону сильную опору для новаго протеста противъ злоупотребленій бывшаго игумена Аванасія. 18 іюля патриархъ пришелъ въ монастырскую трапезную, пригласилъ сюда пристава, бывшаго и пастоящаго игуменовъ и братію, подалъ Шайсупову челобитную на имя государя, которую и просилъ прочитать тутъ же во всеуслышаніе. Въ этой челобитной Никонъ подробно описываетъ, когда и какіе хлѣбные запасы выдавались ему изъ Терапонтовскаго монастыря бывшимъ игуменомъ Аванасіемъ, какъ Аванасій всегда его обсчитывалъ, какъ онъ представилъ невѣрныя записи Лоухину. „Въ пріѣздъ Юрія Лутохина 8 ноября 1668 г., говоритъ здѣсь Никонъ, велѣно мнѣ брать полныя запасы со всѣхъ бѣлезерскихъ монастырей; съ тѣхъ поръ я не бралъ на себя хлѣбныхъ запасовъ съ Терапонтовскаго монастыря, а между тѣмъ Аванасій ставитъ мнѣ на счетъ запасы за это время; въ доставкѣ пива на праздники онъ всегда мнѣ отказывалъ; я бралъ хлѣбы

¹⁾ Въ излишкѣ оказались: ржи 45 четей съ осминою и полuosминою и получетверникомъ, овса 93 чети, ячменя 14 четей безъ четверника, пшеницы осмина съ четверникомъ.

всегда по записи пристава и у него есть на то свои счеты; а на меня много невѣрнаго присчитано“. Въ заключеніи челобитной патріархъ просилъ розыскать о неправдахъ бывшаго игумена, допросить его на очныхъ ставкахъ съ монастырскими старцами и служками и сравнить мѣры монастырскія съ московскими. Шайсуновъ сряду же приступилъ къ допросу Аонасія по этой челобитной. Бывшій игумень здѣсь же въ столовой при всѣхъ просилъ у патріарха прощенья, многое въ своихъ записяхъ объяснял „невѣденіемъ“, во многомъ винилъ казначей и прислужниковъ и такія свои показанія скрѣпилъ собственноручнымъ подписомъ. Послѣ игумена были допрошены казначей, монастырскій житникъ и служки. Затѣмъ стрѣльцами произведена провѣрка монастырскихъ мѣръ съ казенными московскими мѣрами, и мѣстныя монастырскія мѣры оказались не только меньше московскихъ, но и несходны другъ съ другомъ; отъ этого происходила большая разница въ записяхъ хлѣбнаго зерна и муки ¹⁾. Къ началу августа провѣрка расходовъ Терапонтовскаго монастыря на содержаніе Никона была закончена, и приставъ Шайсуновъ гото-

¹⁾ Въ актахъ указаны и способъ этой провѣрки и результаты добытые ею, весьма важные для сравненія мѣстныхъ мѣръ съ казенными московскими; приставъ Шайсуновъ велѣлъ «полуосминикъ московской мѣры, каковъ присланъ въ монаху Никону изъ Кириллова монастыря для приему хлѣбныхъ запасовъ, припустить съ примочною и отдаточною мѣрами Терапонтовскаго монастыря», и велѣлъ спечь хлѣбы братскіе, и муку въ квашни клали также по мѣрамъ. По этому «припуску» оказалось: въ монастырскую *примочную* мѣру входитъ четь, а въ московскую мѣру 6 четвериковъ, въ монастырскую *отдаточную* мѣру въ мельничную, въ которую муку на хлѣбы выдаютъ, входитъ четь же, а въ московскую мѣру 5 четвериковъ. На братскіе хлѣбы входитъ въ квашню въ монастырскую мѣру по 4 чети безъ поль-осмины, а въ московскую мѣру 2 чети съ поль-осминою. Изъ той муки отъ квашни вышло отрубей въ монастырскую мѣру четь съ четверикомъ, а въ московскую мѣру 5 четвериковъ. А по счету и по привѣсу келаря Терапонтовскаго монастыря изъ той сѣяной муки изъ московской мѣры изъ чети и изъ 5 четвериковъ изъ квашни, а изъ монастырской мѣры изъ 2 четей изъ пяти же четвериковъ вышло 51 хлѣбъ, а всеу въ тѣхъ хлѣбахъ 27 пудъ безъ 4 гривенокъ; а всеу тѣ хлѣбы не равны: хлѣбъ по 25 гривенокъ и меньше, а самые меньшіе по 20 гривенокъ хлѣбъ (госуд. арх.).

вился донести о томъ государю съ подробнымъ описаніемъ произведеннаго имъ слѣдствія и съ приложеніемъ подлинныхъ сказокъ допрошенныхъ по этому дѣлу лицъ. Но отсылка въ Москву этого донесенія на время была задержана новыми обстоятельствами. 9 августа патриархъ Никонъ подалъ приставу челобитную на имя государя съ новою жалобою на бывшаго игумена Аѳанасія; онъ писалъ въ челобитной: „Въ 160 (1652) году я былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами святителя Филиппа, и когда возвращался назадъ, то на опежскомъ устьѣ прибылъ ко мнѣ твой государевъ гонецъ Алексѣй Еропкинь съ указомъ, чтобы мнѣ нигдѣ не мѣшкать и наскоро ѣхать къ Москвѣ. А у меня тогда были немалые запасы изъ разной муки, сушеной и вяленой рыбы и масла; идя мимо Отрапонтова монастыря, я для легкости оставилъ здѣсь эти запасы при бывшемъ игуменѣ Аѳанасіѣ. Нынѣ присланъ отъ тебя Козма Лопухинъ и ему велѣно взять записи о моемъ содержаніи; и Аѳанасій, стакнувшись съ ворами, далъ ему вѣдомости ложныя, обозначивъ расходъ втрое и четверо больше противъ того, что мнѣ давали; и то давали малою мѣрою монастырскою и запасы хлѣба давались гнилые и затхлые; о томъ я писалъ тебѣ много разъ и образцы негодныхъ запасовъ посылалъ. Нынѣ при переѣзѣ игумена и провѣркѣ запасовъ объявился въ монастырѣ лишній хлѣбъ, и изъ того ясно, что на меня писали ложно. Вели, государь, Шайсупову допросить бывшаго игумена, куда онъ подѣвалъ оставленные у него мною при возвращеніи изъ Соловокъ всякіе хлѣбные и столовые запасы и сколько того лишняго хлѣба явилось“. Шайсуповъ потребовалъ у новаго игумена Аѳанасія и келаря Пафнутія вѣдомости о лишнихъ запасахъ хлѣба; стараго же игумена Аѳанасія и житничнаго старца Іова лично допросить не могъ: оба они сряду же, послѣ подачи Никономъ новой челобитной, сбѣжали изъ Отрапонтонскаго монастыря—Аѳанасій того же 9 числа августа въ 6 часу дня, а Іовъ въ ночь на 10 число, и оба пропали безъ вѣсти. Въ то же время открылись и другія злоупотребленія бѣжавшаго игумена и бывшаго при немъ келаря Макарія Злобина—

по управленію монастырскимъ хозяйствомъ; властями и братією тогда же подано особое о томъ донесеніе на имя государя ¹⁾. 26 августа въ Москвѣ получены были бумаги по этому слѣдственному дѣлу съ другими донесеніями Шайсузова и указанными челобитными патріарха Никона. 4 октября въ Москвѣ получена новая челобитная патріарха, въ которой онъ проситъ государя дать ходъ произведенному въ Терапонтовскомъ монастырѣ слѣдствію, указываетъ, что имъ, патріархомъ, внесенъ денежный вкладъ въ Терапонтовъ монастырь на 500 рублей и во вкладной написано „давать ему, патріарху, обиходъ противъ четырехъ братьевъ, а которые старцы и мірскіе люди стануть у него въ кельѣ жить, и имъ

¹⁾ Приводимъ это донесеніе для обрисовки безпорядковъ въ управленіи Терапонтовскимъ монастыремъ за то время, когда патріархъ Никонъ испытывалъ здѣсь наибольшія затрудненія въ своемъ содержаніи. Новый игуменъ Аванасій и братія писали въ челобитной: «Въ прошломъ 177 (1669) году въхалъ онъ келарь Макарій къ Москвѣ и доселѣ живетъ тамъ, и въ 179 г. по указу государя ему отъ келарства отказано, и послѣ того онъ Макарій мститъ за то монастырю, и служкамъ и крестьянамъ чинитъ убытки и протори большіе, и по взывнымъ грамотамъ въ лѣтнюю рабочую пору волочить ихъ къ Москвѣ. Да будучи въ Москвѣ, онъ съ прежнимъ игуменомъ Аванасіемъ изъ монастырскихъ селъ хлѣбъ и скотъ продавали, а деньги брали себѣ, а на пные вино покупали и изъ казны монастырской деньги съ собою къ Москвѣ брали и отчету по се число не давали. Будучи къ Москвѣ, вziali они на Вологдѣ на кружечномъ дворѣ 15 ведеръ вина и дали кабалу, и съ монастыря взято по той кабалѣ 15 рублей. Изъ монастыря они взяли жеребца лучшаго; брали съ крестьянъ хлѣбной стрѣльцкой платежъ деньгами за 2 года, а хлѣба сами не купили, заняли еще въ Чюдовѣ монастырѣ и на кирилловскомъ подворьѣ въ кабалы; и монастырь уплатилъ за нихъ по этимъ кабаламъ. Игуменъ же Аванасій отдалъ монастырскую пожню архіепископу вологодскому безсрочно на многіе годы, а оброку было на ней по 10 рублей и многихъ крестьянъ съ тягла распустилъ и изъ монастыря ушелъ самовольствомъ. Келарь же Макарій, будучи на Москвѣ, умыслилъ съ червнымъ попомъ Діонисіемъ, заложилъ ихъ монастырскій московскій дворъ человѣку боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова Ивану Епанчину,—въ 85 рубляхъ и залядную они дали безъ ихъ вѣдома, онъ еще хочетъ закладывать ихъ вотчинны монастырскіи; а служекъ и крестьянъ, кто на Москвѣ изъ Терапонтова появится, онъ волочить и убытчатъ. И великій государь велѣлъ бы съестъ прежняго игумена и келаря въ такомъ московскомъ расходѣ, и о закладѣ двора ихъ указъ учинать, чтобъ монастырю отъ заемныхъ ихъ кабалъ впредь напрасно не разориться» (госуд. архивъ).

также давать отъ братской пищи за тотъ вкладъ“. Здѣсь же патріархъ проситъ въ дополненіе къ своему содержанию „дать ему съ богословскаго (цылинскаго) ѣзу на Шекспѣ рыбы длинныя, что прежде давалось ему на пропитаніе въ монастырѣ Воскресенскомъ; а нынѣ на томъ ѣзу ловятъ рыбу на тебя, великаго государя; пришли и яблочковъ, сколько Госнодь извѣстятъ тебѣ, а я того благословенія Божія седьмой годъ не ѣдалъ, потому что здѣсь они не родятся, да и купить негдѣ и не на что; я все прежнее жалованье твое роздалъ по заповѣди Божіей немущимъ; да и въ память царевича Алексѣя Алексѣевича мнѣ милостыни не было, сотвори ее мнѣ“. Всѣ эти просьбы Никона не оставлялись безъ вниманія; по нимъ дѣланы справки и выписки въ докладѣ къ государю. Изъ этихъ выписокъ и докладовъ узнаемъ, что патріархъ Никонъ въ это время прислалъ государю нѣсколько другихъ челобитныхъ, въ которыхъ просилъ: 1) „новгородскому митрополиту ¹⁾ Иверскаго монастыря не вѣдать, а послать бы съ Москвы туда добраго дворянина и вѣдать ему этотъ монастырь для того, что изъ него старцы многую церковную утварь и казну отвозятъ въ Польшу“; 2) изъ Воскресенскаго монастыря бывшую его, патріарха, келейную рухлядь, книги, платье и судки прислать ему въ Орановтово; 3) прислать ему также для келейнаго правила и церковнаго богослуженія книги ²⁾, полное церковное облаченіе для священнослужащихъ, кадило, церковные сосуды съ покрывалами и крестъ благословящій; наконецъ 4) Никонъ просилъ государя смилостивиться богоявленскаго келаря Авраамія за то, что онъ пріѣзжимъ

---

¹⁾ Новгородскимъ митрополитомъ, съ 22 декабря 1672 года по 23 іюля 1674 г., былъ Іоакимъ Савеловъ одинъ изъ главныхъ недоброжелателей патріарха Никона, возведенный послѣ на престолъ патріаршій.

²⁾ Вотъ перечень этихъ книгъ: напрестольное евангеліе, евангеліе воскресное толковое, бесѣды евангельскія, апостолъ и бесѣды на посланія апостольскія и дѣянія, біблію, слѣдованную псалтырь, двѣ псалтыри наложницъ, октоихъ, обѣ тріоди, 12 книгъ мисей, торжественныхъ цѣнтаой и постный, требникъ его правленья, служебникъ, прологи, творенія Григорія Богослова его переводу.

изъ Оерапоптоваго монастыря на Москву для государевыхъ и монастырскихъ дѣлъ людямъ чинить волокиты и великіе убытки ¹⁾).

На просьбы патриарха Никона государь отвѣтилъ 18 ноября 1673 г. новою посылкою къ нему стряпчаго Козмы Абрамова Лоцухина. При отправкѣ ему дава замѣчательная инструкція изъ одиннадцати пунктовъ, ясно рисующая добрыя отношенія государя къ патриарху Никону и степень вниманія къ заявленнымъ имъ пуждамъ. Лоцухину предписывается прежде всего справить поклонъ патриарху отъ всѣхъ лицъ царскаго семейства поименно, причемъ Никона должно величать „святымъ и великимъ отцемъ“ и „поклониться ему отъ царской семьи по обычаю“. Далѣе—заявить о присланной ему задравной царской милостыни: „Великій государь и царица Наталья Кирилловна прислали тебѣ великому отцу для рожденія своихъ государевыхъ чадъ — царевича Петра Алексѣевича древо сахарное, ковришка на орелъ, хлѣбець черный, отъ царевны Натальи Алексѣевны—денегъ 200 рублевъ, ковришка сахарная, ковришка пряничная и хлѣбець черный“; чтобы сахарныя ковришки не зачерствѣли отъ дороги, ихъ велѣно сдѣлать передъ самымъ Оерапоптовымъ монастыремъ, не доѣзжая 5 или 6 верстъ, а повара, сахаръ и иныя вещи послать съ Москвы съ аптекарскаго приказа. Затѣмъ велѣно поднести патриарху заупокойную милостыню по царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ—въ 200 руб. деньгами, поднести еще отъ царя и царицы по 10 арбузовъ тамбовскихъ и бѣлгородскихъ и по 600 яблоковъ изъ нѣжинскихъ и московскихъ садовъ. Государь велѣлъ объявить Никону, что на содержаніе ему теперь назначается братъ изъ бѣлозерскихъ монастырей определенное число годовыхъ разнообразныхъ запасовъ; всѣ эти запасы тутъ же перечисляются въ подробной росписи каждый отдѣльно и съ обозначеніемъ размѣра, въ которомъ они должны выдаваться ²⁾); при этомъ въ инструкціи замѣчалось: „буде Ни-

¹⁾ Дѣла въ госуд. архивѣ.

²⁾ Роспись этихъ годовыхъ запасовъ приведена въ исторіи Соловьева т. XI стр. 412.

конь, выслушавъ эту роспись, скажетъ, которыхъ запасовъ прибавить или убавить по разсмотрѣнію небольшое число, и изъ котораго монастыря брать и о томъ написать ему, Козмѣ, на росписи, и сколько за которымъ монастыремъ крестьянъ—о томъ провѣдать и тѣхъ монастырей властямъ сказать указъ великаго государя, чтобъ все старцу Никону давать по росписи безъ перевода“. Далѣе велѣно объявить Никону, что по просьбѣ его назначено уже послать въ Иверскій монастырь дворянина Андрея Акинѣева съ подъячимъ для переписи находящейся тамъ церковной утвари и монастырской казны. На жалобу Никона о томъ, что проѣзжая дорога въ Терапонтовомъ монастырѣ отведена далеко отъ кельи его, объявить, что дорога эта и должна оставаться въ такомъ видѣ, „потому меньше ссоры будетъ, да и поговорить Козмѣ отъ себя, какая ему (Никону) будетъ въ томъ прибыль, что лишнія дѣла его будутъ извѣстны разнымъ людямъ и въ государствѣ молва безпрестанная будетъ, потому что всякіе люди мимо кельи его стануть ѣздить и стануть сказывать небывалыя рѣчи; а Шайсулову сказать, чтобъ онъ не слушалъ Никона въ той дорогѣ“. На просьбу Никона о дачѣ рыбы изъ богословскаго (цѣлинскаго) ѣзу на Шекспѣ объявить, что государь указалъ уже выдавать ему треть той рыбы, какая будетъ выловлена здѣсь каждый годъ. Также объявить, что велѣно розыскивать о тѣхъ запасахъ, которые по книгамъ взяты съ Терапонтовскаго монастыря ложно, и о тѣхъ, которые оставлены здѣсь Никономъ при возвращеніи изъ Соловецкаго монастыря. Сказать, что велѣно розыскать бывшаго игумена Аѳанасія и келаря Макарія Злобина по челобитной на нихъ нынѣшняго игумена Аѳанасія. Последній пунктъ въ инструкціи Лопухину касался содержанія стрѣльцовъ: такъ какъ весною 1673 года отправлены были въ Терапонтовъ монастырь новыя стрѣльцы на смѣну прежнихъ и имъ впередъ выданы кормовыя деньги (85 рублей) съ 1 марта по 1 сентября сверхъ годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, между тѣмъ стало извѣстно, что они по прибытіи въ монастырь пользуются еще и братскою пищею, то Лопухину предписывалось розыскать, дѣйствительно ли

имъ выдавали кормъ изъ монастыря и если выдавали, то на ка-
кихъ основаніи? Разсматривая содержаніе этой замѣчательной ин-
струкціи Лопухину по отношенію ея къ описаннымъ выше прось-
бамъ патріарха Никона, видимъ, что она отвѣчала на всѣ просьбы
его кромѣ четырехъ, что тогда же отвѣчено было въ особыхъ
выписяхъ при докладѣ государю: „да противъ евожь монаха Ни-
кона письма Козмѣ Лопухину въ наказъ не написано: о строеньи
келей его у церкви Богоявленія Господня на святыхъ воротахъ, о
присылкѣ ему книгъ и утвари, объ отдачѣ ему изъ Воскресенскаго
монастыря келейной его рухляди, о смиреніи Богоявленскаго мона-
стыря келаря Авраамія“. Въ остальномъ государь—видимо—же-
лалъ высказать патріарху свое расположеніе и полную готовность
въ возможномъ удовлетвореніи его нуждъ и просьбъ.

Козма Лопухинъ прибылъ въ Оералонтовъ монастырь 20 но-
ября и точно исполнилъ данное ему порученіе. Патріархъ принялъ
новую царскую милость съ великою радостію и полною благодар-
ностію. Въ длинномъ спискѣ годовыхъ запасовъ онъ безкорыстно
въ ущербъ своему содержанію сдѣлалъ значительныя измѣненія:
большую часть щедро назначенныхъ ему запасовъ онъ сократилъ
на цѣлую треть и даже на половину; и прибавилъ только незна-
чительное число другихъ запасовъ, не внесенныхъ въ списокъ ¹⁾.
Тогда же составленъ былъ списокъ дворовъ у бѣлозерскихъ мона-
стырей, согласно съ числомъ дворовъ на каждый изъ этихъ мона-
стырей разложена доставка извѣстныхъ запасовъ и въ монастыри
отправлены Лопухиннымъ государевы о томъ указы. Такой же на-
казъ о ежегодной доставкѣ Никону трети рыбы изъ богословскаго
(цылинскаго) ѣзу отправленъ и на Бѣлоозеро. Въ Оералонтовскомъ
же монастырѣ стряпчій Лопухинъ производилъ дополнительный ро-
зыскъ о ложныхъ записяхъ расходовъ на содержаніе патріарха,

¹⁾ Запись этихъ измѣненій приведена въ исторіи Соловьева т. XI стр.
412—413: прибавлено изъ годовыхъ запасовъ только 4 пуда воску, $\frac{1}{2}$ пуда
ладову, 1 пудъ семги, 6 четвертей сметковъ, 20 пудовъ хмѣлю, 150 судаковъ,
500 свѣчъ салныхъ.

данныхъ въ свое время бѣжавшимъ игуменомъ Аѳанасіемъ, и о тѣхъ хлѣбныхъ запасахъ, которые оставлены были при проѣздѣ Никона съ мощами святителя Филиппа; но этотъ дополнительный розыскъ не открылъ ничего замѣчательнаго противъ прежняго слѣдствія и далъ только пѣсколько мелкихъ штриховъ къ описанію жизни Никона въ ѳерапонтовскомъ заключеніи ¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ ѳерапонтовскіе старцы — назначенъ Іона, Козма, Митрофанъ, Власій, Исаія на допросъ 26 ноября заявили: съ прошлаго 175 года по 181 (1667—1673) игуменъ Аѳанасій написалъ книгу о дачахъ запасовъ на монаха Никона и послалъ къ великому государю къ Москвѣ съ стриччимъ Козмою Лопухинымъ ложно, безъ нашего братскаго вѣдома. А къ Никону съ 175 года, какъ былъ привезенъ, монастырскихъ запасовъ или какихъ харчей про его обиходъ не имывано, а для работниковъ, жившихъ у Никона, брали въ день изъ братскаго хлѣба по хлѣбу и по полухлѣбу; а овощи изъ нашихъ огородовъ никакихъ про его обиходъ не имывано, а которые запасы у Никона оставались за обиходомъ, и тѣ запасы отдавалъ онъ намъ въ трапезу на братью; а какъ онъ шелъ изъ Соловецкаго монастыря и какіе запасы въ ѳерапонтовомъ оставилъ, тому записки у нихъ нѣтъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки